

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

Хочу
остатъся
на землѣ

Составитель,
автор вступительной статьи
и переводчик стихов -

член Союза писателей России

Владимир СМЕРНОВ

"Хочу остаться на земле" - наиболее полное собрание произведений (переведенных на русский язык) первой саамской поэтессы Октябрины Владимировны Вороновой. Составитель и переводчик благодарит комитет по делам народностей Крайнего Севера областной администрации, Мурманское отделение Всероссийского фонда культуры и областную научную библиотеку за содействие и помощь в издании этой книги.

ОКТЯБРИНА ВОРОНОВА

**Хочу
остатвсья
на земле**

СТИХИ

/ПЕРЕВОД С СААМСКОГО/

МУРМАНСК, 1995 г.

* * *

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле -
Хочу
остаться
на земле!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

"Прошло уже больше сорока на свете прожитых лет, но до сих пор, как и тогда, хотела бы идти я по новым неизведанным путям. И сейчас я к земле обращаюсь: ты откликнись голосистым запевом жаворонка, полетом трясогузки, и пусть сосны напомним отшумевшую мою весну..."

Октябрина ВОРОНОВА

Есть у Октябрины Вороновой своеобразная поэма, состоящая из нескольких сказок или притчей - как угодно. Она так и называется - "Ночлег в пути". А начало таково: как-то в пути Октябрину застала ночь, и она попросилась на ночлег в куваксу пастуха (кувакса - временное жилище оленеводов из жердей, обтянутых брезентом). И вот пастух рассказывает ей ночью сказки, легенды...

Вся наша жизнь - это очень нелегкий путь. И вот я предлагаю вам остановиться на ночлег или, если хотите, сделать привал. Я расскажу вам о первой саамской поэтессе Октябрине Владимировне Вороновой, о ее жизни, ее творчестве. Ведь если сравнить культуру саамского народа с бурной речкой, то творчество Вороновой - самый значительный приток этой реки. А еще жизнь и стихи Вороновой - это история нашего с вами края, то есть, Кольского полуострова. Потому что где бы ни была поэтесса - думы ее всегда оставались на родине.

...Но грустно в этом доме станет,
Когда из северных широт
Холодный ветер вдруг потянет,
Знакомый запах донесет.
И сердце вдруг забьется тяжело,
И в путь захочется скорей.
И будет грезиться упряжка:
Олени,
нарты
и хорей!

У каждого народа есть своя история, своя культура. Но вот литература была не у всех. Многие народы, особенно северные, не имели своей письменности, а значит, и своих писателей. Не было литературы (кроме, конечно, устного творчества) у саамов и ненцев, юкагиров и эвенков, манси и чукчей, т. е. от Кольского полуострова до Чукотского жили бесписьменные народы и народности.

О кольских саамах до недавнего времени даже в русской литературе (как и во всемирной) были лишь мимолетные упоминания. Я знаю только один роман - А. Кожевников, "Солнце ездит на оленях", рассказывающий о жизни саамов. Время действия в романе - первые годы советской власти, в саамское село приезжает молодая русская учительница... Роман вышел очень давно, и даже в Мурманской области мало известен - многие библиотечные работники о нем не слышали, где уж знать читателям. К тому же эта книга во многом поверхностна. Ведь как бы то ни было, это - взгляд со стороны, потому что на жизнь саамов смотрел русский человек, приезжавший в наш край совсем ненадолго. Люди давно ждали большего...

Шла уже середина восьмидесятых годов, когда в литературную жизнь края - да что там края, скажем без ложной скромности: в литературную жизнь если не страны, то, по крайней мере, северо-запада ее, - быстро и прочно вошло имя саамской поэтессы Октябрины Вороновой. Публикации в "Правде" и "Литературной России", в журналах "Север" и "Дружба народов", книги в Мурманске и в Москве, стихи для взрослых и стихи для детей, учебник и книга для чтения во втором классе саамской школы, песни, звучащие по радио...

Всего лишь пять лет прожила в литературе Октябрина Воронова - от первой публикации до кончины в 1990 году. Но пять лет - это на виду, на слуху. Фактически, литературе была посвящена вся ее жизнь.

Девочке из колхозной семьи пастухов-оленьеводов Матрехиных дал такое странное для ловозерской тундры имя первый избач деревни (заведующий красной избой, избой-читальней), бывший балтийский моряк, участник штурма Зимнего.

Сегодня трудно сказать, как интерес очутился в такой глухомани, что занесло его в Чальмны-Варрэ. Но имя саамской девочке он дал звучное - Октябрина. Да и родилась Бина именно в октябре. Мать ее - Клавдия Григорьевна Матрехина - работала в колхозе чумработницей.

Не слышали о такой специальности?

Живут далеко в тундре пастухи-оленоводы. Это сейчас на месте базирования оленеводческой бригады ставят завезенные вертолетом домики, забрасывают сюда каменный уголь и дрова, и даже небольшую электростанцию на бензине. А в тридцатых-сороковых годах ничего этого не было. Пастухи жили в чуме из оленьих шкур. Вверху - дырка для дыма, в центре - костер. На нем и готовила в котле пищу для всей бригады чумработница. Нет, она не была только поварихой. Она должна была следить за порядком, чинить пастухам одежду, владеть оленьей упряжкой и т. п.

Во время Великой Отечественной войны мама Вороновой стала почтальоном, хотя это была сугубо мужская профессия. Почему мужская? Да потому, что из Чальмны-Варрэ до Ловозера, районного центра, 200 километров в один конец. И ехать надо на оленьей упряжке. И буран, что в пути настигает нередко, в голой тундре пережидать. И одноствольным ружьем, а иногда и одним хореем (длинным шестом, которым погоняют оленей) от волков отбиваться... Туда и обратно на поездку неделя уходила.

Тем временем маленькая Бина росла в своей лесной деревушке, пока не подоспела пора собираться в Ловозерскую школу-интернат. Путь туда был сложным. Сама она много лет спустя так об этом написала:

"Настало время готовиться в дорогу из дома, где жила у любимой бабушки ее внучка. Долго стояла бабушка у порога, рядом с нею сестренка моя младшая плакала, рвалась следом. Глаза у бабушки часто мигали - никто из рода нашего не уходил еще в белый свет такой неизведанной дорогой. На лодке, где веслами греб Михаил Дмитриевич, сам председатель колхоза, поднялись к месту, где стоял самолет - маленькая "наврушка" (ИИ-2), летающая до Анатитов. "Счастливого пути!" -

шептали мне кусты ивы и черемухи, смородины и рябины. Красавица-осень... Но воздух прохладный казался мне дыханием весны, дыханием бабушки..."

* * *

Заснеженным простором, вздымая клубы белой холодной пыли, летит оленья упряжка. На нартах человек в малице с откинутым назад капюшоном покрикивает на оленей, взмахивая длинным хореем. Упряжка то легко скользит по льду реки, то петляет между высоких прибрежных сосен и елей, то вновь вырывается на голую тундровую равнину. Пастуху жарко, капельки пота выступили на лбу, а черные волосы, взлохмаченные ветром, заиндевели, будто седыми стали, даже брови инеем покрылись. Глаза на меня хитро посматривают.

- Не замерз еще?

Я мотаю головой. Да и как мне замерзнуть, если Василий Николаевич Юрьев поверх полушубка натянул на меня еще и медвежий совик (балахон из медвежьей шкуры мехом наружу). Я еду в оленеводческую бригаду, "в стадо", как говорят сами оленеводы. Еду по поручению кольской газеты "Заполярный труд" писать очерк о бригадире Юрьеве, только что награжденном орденом Трудового Красного Знамени. Будет впереди беседа у костра, за кружкой горячего чая, будет сон в легкой пастушьей куваксе, на оленьих шкурах, будет долгий поиск отбившихся от стада оленей и опять вечерняя беседа за чаем - о тундре, оленях, природе, жизни пастухов-саамов. И в результате - большой газетный очерк о замечательном человеке, бригадире, коренном жителе Заполярья Василии Николаевиче Юрьеве, который спустя еще несколько лет станет Героем Социалистического Труда.

С той первой поездки к оленеводам "в стадо" прошло почти тридцать лет. Были потом поездки по многим бригадам Мурманской опытной оленеводческой станции, совхозов "Тундра", "Память Ленина". Оленеводы, опытные охотники и рыбаки, учили меня чувствовать и понимать природу, различать повадки зверей и птиц, находить места обитания рыб в озерах

и реках и, главное, любить наше Заполярье. Им я обязан многим. Даже тем, что почти все отпуска провожу на Кольском полуострове, рыбачу или охочусь, смотря по сезону.

Несколько раз, и зимой и летом, я отдыхал в древнем самском селе Чальмны-Варрэ на реке Поной. Еще с эпохи неолита там на гранитных плитах сохранились петроглифы - наскальные рисунки, возраст которых четыре тысячи лет. Сейчас от села остались лишь несколько пустующих домиков - лет двадцать назад жителей переселили: кого в Краснощелье, кого в Каневку, кого в Ловозеро. От большинства домов в Чальмны-Варрэ сохранились лишь фундаменты да печные трубы. Помню, как в первый приезд меня взволновала картина: на пенище бывшего дома стоит старая самодельная детская колыбель. Словно оставили ее нарочно, как клятву: не забывать своей родины, откуда когда-то корни пошли...

Значительно позже, когда уже сложилось наше творческое содружество с Октябриной Вороновой, в одном из разговоров случайно выяснилось, что Василий Николаевич Юрьев, о котором я когда-то писал очерк, - ее родной дядя, а заброшенное село Чальмны-Варрэ - ее родина. О ней Октябрина писала:

"До недавнего времени деревня моя на реке Поной носила двойное название: Чальмны-Варрэ и Ивановка. Ивановкой ее звали потому, что первым из коми в ней поселился Иван Иванович Артеев. Долгое время, лет двадцать, я не ездила туда. Так сложились обстоятельства. А когда стала навещать родные места, стала особенно их разглядывать и разгадывать тайну названий... Вспомнила про экспедицию Гуриной Нины Николаевны, доктора археологических наук, которая нашла в Ловозерском районе наскальные рисунки. А память подсказала, что под камнем, где обычно полоскали белье при большом разливе реки, я видела кусочки сухой охры или краснозема. Этот камень был коричневым, все остальные - серые граниты. Камень перевернули в год начала войны, на нем оказались наскальные рисунки.

Камни хранят память.

А очертания горки - как открытые глаза со вскинутыми ресницами леса..."

На саамском языке Чальмны-Варрэ и означают - "глаза леса". Очень точное поэтическое название деревни, которая стояла на месте, где гористый, поросший густым сосняком мыс упирается в изгиб реки, в широкую сенокосную пойму.

Не только поэтической образностью отличается речь саамов. Язык этот еще и очень музыкален. Ведь многие столетия стихов как таковых саамы не знали - знали песни. Пели короткие бытовые песни, грустные и веселые, пели эпические сказания (лувты), легенды.

...Высится над озером Акъ-явр на отвесном утесе камень. Если посмотреть на него внимательней, то явственно увидишь: камень этот очертаниями напоминает молодую женщину, прижимающую к груди двух малышек. Легенда об этой фигуре так рассказывает:

Жили возле озера два брата-саама. У каждого были жена и ребенок. Однажды ушли братья на долгую охоту, а в это время на их жилища напали чуждцы - иноземные разбойники. Разграбили они припасы братьев, поругали жилища. Над одной женщиной надругались, а вторая, прихватив обеих малышек, успела убежать на утес. Хотела она со скалы в озеро броситься - да навеки на ней камнем осталась. Отсюда и название озера (Акъ-явр - Бабье озеро).

Много люди хранят
О природе чудесных поверий.
И природе
о людях
Известно достаточно тайн...

Легенда стала основой одной из поэм Октябрины Вороновой.

Многое у саамов (старое название - лонари, лонь, ланландцы) в поэтической образности идет от древних шаманских обрядов. Октябрина Владимировна рассказывала, что шаманы были и в ее роду. Ланландские шаманы давно были известны в Европе. Могущество одного из них описывается в "Калевале". Отголоски славы ланландцев, как чародеев и ведунов, есть у Шекспира в "Комедии ошибок":

...Не сомневаюсь я,
Что это все проделки чародейства,
Что много здесь лапландских колдунов.

А Иван Грозный в 1584 году для истолкования значения появившейся на небе кометы призвал в столицу именно колдунов-лопарей...

* * *

В начале восьмидесятых годов (нынешнего столетия) вышла в свет книга стихов "Солнце над тундрой" давнего члена нашего литобъединения, товарища моих школьных лет Аскольда Бажанова, саами по национальности, но пишущего на русском языке. И об Октябрьине Вороновой уже появилось несколько сообщений в газетах, в частности о том, что она принимала участие в работе семинаров литераторов народностей Крайнего Севера, которые проводил Союз писателей в Малеевке, в Доме творчества писателей под Москвой, и в Крыму, в Ялте. Были опубликованы и несколько ее детских стихотворений в переводе ленинградского поэта Станислава Дорохова.

По поводу выхода книги Аскольда Бажанова писательская организация решила провести несколько литературных вечеров в Ловозере и Ревде. Поэт Виктор Тимофеев, бывший тогда заместителем ответственного секретаря организации, сказал:

- Неплохо бы привлечь и Октябрьину Воронову. Попробуй перевести несколько ее стихотворений.

Он пригласил в Союз писателей и молодых членов литобъединения Татьяну Медведовскую и Тамару Сухорукову, пишущих стихи. Договорились, что они попробуют перевести лирику Октябрьины, а меня Виктор уговорил взяться за эпические, сюжетные стихи, стихи о природе.

- Ты все-таки местный, как и она. В саамских селах бывал, среди пастухов жил. У тебя должно получиться...

До сих пор помню три первых стихотворения Октябрьины, которые я перевел: "Тундра моя", "Ловозерские горы" и "Снег лежит сугробом пыльным". Скажу честно, что поэтические пе-

реводы их я сделал быстро. Наверное, случилось то, что и озеро Ловозеро я исходил на лодках вдоль и поперек, по перевалам Ловозерских тундр тоже побродил немало. Все, о чем писала Воронова, видел явственно, зримо.

Как-то меня пригласил редактор книжного издательства Александр Борисович Тимофеев.

- Телевидение предложило мне подготовить передачу о рождении саамской литературы. Я согласился. Но, понимаешь, об Аскольде Бажанове говорить можно, как о первом саами-поэте. Но что он саамский поэт - это с натяжкой, все-таки пишет-то он на русском. Вот если бы в передаче приняла участие Октябрина Воронова!

Через несколько дней состоялась передача в студии. Октябрина читала стихи на саамском языке, я те же - на русском. После эфира, возвращаясь с Варничной сопки, Александр Борисович (он вел передачу) сказал:

- Ну что ж, я рад поздравить вас с рождением творческого союза. Переводы хорошие. Могу обещать - если через год вы представите мне рукопись таких переводов, буду включать в план издательства книгу стихов первой саамской поэтессы...

В 1986 году книга Октябрины Вороновой "Снежница" в моих переводах увидела свет. Предисловие к ней написал секретарь Правления Союза писателей РСФСР, нивх по национальности, поэт и прозаик Владимир Санги:

"Во всех стихах Октябрины Вороновой звучат сердечность, обнаженность чувств, вызывающие в сердце отзвук соучастия и сопричастности к делам, мыслям саамской поэтессы, ко всему тому, что волнует и заботит ее. И очень важно, что первый поэт саамов ищет и находит вдохновение в родном народе, в его мудрой многовековой поэзии, - это во многом и определило лицо автора, самобытное и яркое..."

Но ведь переводчик тоже должен искать и находить - точность и ясность мысли стихотворения, хотя бы приблизительную схожесть поэтических образов, верный душевный настрой автора.

Мне хорошо помнится, как в тот первый вечер после телевизионного выступления мы с Октябрьиной приехали ко мне домой и сразу же принялись за работу над новыми подстрочниками. Я не хотел откладывать, к тому же знал, что если Октябрьина уедет к себе в Ревду, не оставив мне подстрочных переводов, потом уже она их не вышлет - постесняется отвлекать меня. Она читала стихи на саамском языке, потом переводила каждое слово, каждое предложение. Нет, это не так просто, как иным кажется. Ведь и в саамском языке, как в любом, у многих слов есть масса синонимов, у каких-то есть и другие значения, включая диалектные различия. Иногда мы вместе с ней подбирали соответствующее значению русское слово или выражение. Иногда она, смеясь, махала рукой:

- Ищи сам, что лучше поставить. Ты же все-таки русский.

Постепенно работа над переводами увлекла меня, и я с головой ушел в мир саамского быта, в мир поэтических образов Октябрьины Вороновой. Конечно, с Кольским Заполярьем, с жизнью саамов я был знаком и раньше. И все же через ее стихи как-то по-новому открылся для меня мир "оленных людей" - будто сама тундра заговорила со мной языком песен, сказок, легенд.

Снег лежит сугробом пышным
Легкий, мягкий, словно пыжик...

Пыжик - это белый мех новорожденного олененка. Пастухи часто и самих оленят называют пыжиками. (Наверное, чаще встречается для многих понятие - пыжиковая шапка.) Правильно писал Владимир Санги, что так мог сказать о снеге только человек, для которого Север - не временная романтика, не экзотика, а вековая, милая и прекрасная родина. Для такого человека край этот был и есть всегда. Его не надо покорять, не надо обживать, привыкать к морозам, ветрам и нехватке кислорода. Мало того, примерно до 1961 года приезжающие "покорять" Мурман получали к окладу стопроцентную полярную надбавку, а коренные жители (включая поморов) были этого лишены. За что им платить? Привыкшие они к стылým полярным почам, ветровому вою, тундровому бездорожью.

Все это память днем и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу,
Пока живу...

* * *

Чувство "открытия Севера" после стихов Вороновой испытывал не только я. Вот строки из рецензии Т. Кириенко, опубликованной в газете "Полярная правда":

"...стихи Октябрины Вороновой в буквальном смысле слова пронизаны лирикой. Они несут в себе непритворную доброту поэта. Октябрина Воронова живет своими стихами, переживает вместе с героями, радуется, удивляется. Читая ее, видишь, с какой любовью, даже можно сказать нежностью, поэтесса описывает Север. Может показаться несовместимым: Север - суровый, холодный, и - эта радость, восхищение, тепло, звучащее в стихах... Мне, человеку, который родился и вырос на этой земле, в стихах Октябрины Вороновой открылось много нового. Поэтесса предстала передо мной как волшебница, отворившая ворота к огромным тайнам Севера..."

Все в этом краю родное для Октябрины - и бескрайняя тундра, по которой кочуют со стадами оленей пастухи, и сосны в маленькой деревушке Чальмны-Варрэ, которые садили еще ее предки, и каменные россыпи по берегам Пооя, среди которых есть плиты с древними наскальными рисунками. В любом времени года находит Октябрина свою прелесть. И не только традиционные для Севера поэтические образы, метафоры использует она. Иногда в ее стихи смело входят понятия совершенно новые для ее народа.

Шелест листьев на рассвете.
Всплеск семужий над волной.
Это ветер,
Теплый ветер
Дирижирует весной.

А иногда прошлое, традиционное и новое, сегодняшнее стоят в стихах совсем рядом, как бы дополняя друг друга, но при этом вызывая у некоторых читателей даже какое-то недоумение, неверие. Вот как начинается одна ее притча из "Почлега в пути":

В те далекие дни
Ни бедно, ни богато
В старой ссохшейся куваксе жили два брата.
И похожи они,
Как крупинки в песке
Или клетки на шахматной пестрой доске.

Когда это стихотворение появилось в печати, некоторые коллеги спрашивали у меня:

- Скажи, ты о шахматных клетках сам придумал? Ведь не могла саамская поэтесса, да еще в стихотворении о прошлом, использовать образ, связанный с шахматами?

Я переадресовал вопрос самой Октябрине. Она ответила так:

- Сравнение с шахматными клетками еще не означает, что саамы умели играть в шахматы, хотя были и такие. Шахматы саамы видели и знали, во многих поморских селах были люди, играющие в шахматы.

О речке Вирме, впадающей в Ловозеро, она когда-то написала:

Кто длину твою измерит?
Ты журчишь, средь гор июля.
Вир - в саамском значит берег,
Ма - родимая земля...

"Да, "длина" родины неизмерима, что остро и осознанно понимает Воронова! - писал в газете "Комсомолец Заполярья" поэт Василий Галюдкин. - И тут уместно высказать главную мысль: чтобы быть национальным поэтом, надо не только писать на своем родном языке, но надо писать те стихи, которые воспитывают у умеющих читать чувство любви и патриотизма к Отчизне!"

Как истинная дочь своего народа, воспитанная на традициях, обычаях предков, Октябрина впитала в себя песни и былички, слышанные от бабушки, сказки и лувты, рассказанные дедом. Потом мотивы их возникают в стихах и поэмах ("Почлег в пути", "Тайна Бабьего озера"). Но вместе с тем она была вполне современным человеком, получила высшее образование в Ленинградском пединституте имени Герцена, преподавала в школе русский язык и литературу. Поэтому и сюжеты современной жизни органично входят в ее стихи. Тема войны, темы сиротства и вдовства, тема повседневного труда - сенокос, рыбалка, охота, оленеводство, тема строительства в тундре, - все волнует настоящего поэта, за все берется она. Не пугает ее даже такая "модная" сегодня тема, как межнациональные отношения.

Во второй половине девятнадцатого века пришли на Кольский полуостров коми-ижемцы. Пришли со своими оленьими стадами, своим языком, своими обычаями. Саамы приняли этот народ сердечно и открыто, несмотря на то, что вот уже более ста лет власти (как прошлые, так и сегодняшние) только тем и занимались, что славливали их друг с другом, - так управлять легче. Даже в 1989 году Мурманский облисполком принимает постановление о некоторых льготах для коренных жителей (например, право пользования сетями на рыбалке), но эти льготы касаются лишь саамов - коми-ижемцы, тем более поморы, коренными не считаются. А это, естественно, приводит только к разжиганию неприязни, даже вражды между народностями. И первая о равноправии, о дружбе и братстве их говорит Октябрина Воронова. Она прекрасно владела языком коми, знала их обычаи, песни. Я слышал, как она разговаривала с поэтом из Сыктывкара Геннадием Юшковым, и тот потом удивлялся: какой чистый у нее выговор на коми-языке! В стихотворении о березе, у которой выросло два ствола, она писала:

Чтоб песни петь под небесами,
Народ обычно занятой,

Приходят коми и саами
По праздникам к березе той...
Поют легко,
Поют спокойно.
У них в любые времена,
Как у березы этой корни,
Земля-кормилица
одна!

О другом стихотворении упоминает в своей статье, опубликованной в "Полярной правде", литератор Андрей Эдоков:

"Пришло время шире говорить о путях развития саамского народа, о его культуре и литературе, о судьбах сел. Ведь недаром же прозвучало стихотворение О. Вороновой "Дом у реки" - боль о покинутых селах на Поное. Это не обычная поэтическая грусть-тоска. О судьбе понойских саамов в стихотворении заявлено с публицистической страстностью..."

Его поддерживает и писатель Виктор Тимофеев в статье "Саамская поэтесса":

"Октябрина Воронова всей своей судьбой явилась как замечательная дочь своего удивительного народа. Именно: явилась всей судьбой, вобравшей и сладкий дым отцовского костра в тундре, и горчайший дым "сгоревшего отечества" - ибо родилась она и провела детство в далеком, отъединенном от всего мира селе, которого теперь уже на земле нет..."

Ведь сердце дома - это люди,
Их нет - и значит, жизни нет.

* * *

Чем популярней в России становилась поэтесса, тем больше в родном Ловозере вокруг ее имени распускалось всевозможных слухов. Ее травили открыто, не стесняясь, травили с поддержки и одобрения властей. Когда Октябрину приняли в Союз писателей СССР, в районном Доме культуры состоялся большой творческий вечер. Самодеятельные артисты читали ее стихи, композиторы и певцы пели ее песни. А председатель

Ревдинского поселкового Совета на виду всего зала торжественно вручил Вороновой ключ от новой квартиры. Символический – в полном смысле этого слова, потому что самой квартиры Октябрина так и не дождалась. Сначала обещали трехкомнатную, потом двухкомнатную, потом... Да что говорить о квартире, когда даже к стоматологу Октябрину Владимировну писательской организации пришлось устраивать через райком КПСС... Но она продолжала жить и творить.

Известный поэт Николай Доризо опубликовал в "Литературной газете" стихотворение, посвященное Октябрина Вороновой:

Родная речь моя,
я так горжусь тобой,
Обогадившей
род наш человеческий.
Но пусть
вовсеки
мощный твой прибой
Не захлестнет
слова саамской речи.

Она очень любила детей. И даже когда была вынуждена оставить работу в школе, перейти в библиотеку, она не потеряла любви и привязанности к ним. К тому же, у нее и у самой росли мальчик и девочка, а позже она воспитывала племянницу, дочь рано умершей сестры. И потому копились в папках Октябрины рукописи стихов для детей ("Волшебное кино", "Родничок", "Воробей"). В дальнейшем эти стихи составили ее детскую книжку "Чахкли", которая вышла в Мурманском издательстве в 1989 году.

Когда заскучается в доме,
Иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих...

Однажды Октябрина Владимировна побывала в гостях у ребят одной из Апатитских школ. Они подружились, стали переписываться, встречаться. А в начале 1990 года (еще при

жизни Октябрьины!) на уроке школьники писали сочинение о ее творчестве. Проводила этот урок учительница русского языка и литературы Татьяна Андреевна Гарбуз. Сегодня нельзя без волнения читать эти детские тетрадки. Вот только несколько выдержек из школьных сочинений юных апатитцев.

"Октябрьина Воронова любит свою родину - Кольский полуостров и поэтому хочет, чтобы ее стихи были понятны и любимы всеми людьми: и старыми, и молодыми... Жаль, что сегодня ни один коренной житель Кольского полуострова не может прочесть стихи Октябрьины на родном языке. Хочется верить, что в недалеком будущем это произойдет.

Лена Никуличева, 6 класс."

"Читая стихи Вороновой, ближе знакомишься с саамской культурой, и хочется, чтобы "оленный народ" оставался жить на земле со своим языком и обычаями.

Люба Жаркая."

"Сегодня хочется верить в то, что яркий луч поэзии Октябрьины Вороновой озарит будущее ее маленького народа.

Юля Наумова."

"Можно много раз перечитывать стихи Октябрьины о природе родного Севера, о людях, живущих рядом с ней, для которых она пишет стихи на родном саамском языке, для которых хочет "хоть малым лучиком во мгле... остаться на Земле". Теплом своих произведений Октябрьина Воронова согревает и нас, русских людей, живущих на этой земле, полюбивших суровый и светлый край. У нас одна родина - Кольский полуостров.

Аня Субботина."

С болью думаю: как жаль, что Октябрьина Владимировна не читала эти прекрасные строки. А ведь могла бы! Татьяна Андреевна Гарбуз, передавая мне школьные тетрадки, говорила: "Эти сочинения мы хотели послать Октябрьине Владимировне. Они были написаны после встречи с нею на вечере в январе 1990 года. К сожалению, мы редко думаем о том, как жизнь бывает коротка..."

На родной реке Вороновой - Поное - испокон веков каждый поворот, каждая скала, каждая поженка имеют свое на-

звание: Трофим-камень, Девичья гора, Жениховский порог... И с каждым названием связана определенная легенда, объясняющая происхождение этого названия.

...Давным-давно, когда в лапландском краю жили одни только лопари, позарилась на владение Поноем чужд иноземная. Пошли вражьи рати вниз по реке, неожиданно появляясь перед погостами, разоряя и сжигая жилища, убивая мужчин и забирая в полон женщин.

Однажды увидела отряд иноземцев девушка, что на плесе рыбу ловила. А селение много ниже по реке было. Поняла девушка, что не успеет добежать до своего погоста, жителей о врагах предупредить. А рядом с берегом, где она рыбачила, гора была: склоны каменистые, валунами сплошь усыпаны, а на вершине валежины сухие лежат друг на дружке внахлест. Взбежала девушка на гору и подпалила валежины. Густой дым столбом к небу вымахал. Увидели его лопари, сразу догадались: беда к ним идет. Собрали они свои пожитки, погрузили на оленей и ушли через Кейвы на глухие озера. А разозленные чудины окружили каменистую гору, где костер горел, захватили лопарскую девушку и казнили. В память о ней и зовут с тех пор гору - Девичья...

Недолгая жизнь Октябрины Владимировны Вороновой - это тоже подвиг во имя своего народа, во имя его культурного развития, его духовного возрождения. 1 июня 1990 года Октябрина написала заявку в Мурманское издательство на свою новую книгу ("Поле жизни"), а 18 июня ее не стало. Но еще при жизни Октябрины гостиницу в Ловозере называли - "Снежница". И туристам, командированным, тем, кто приезжает сюда впервые, объясняют, что это не от снега, не от талой воды. Так называлась первая книга стихов первой саамской поэтессы Октябрины Владимировны Вороновой.

Снежница

1986

* * *

Тундра моя - моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти, ровных.
Как хорошо здесь, у неба! Да только сюда
Труден подъем среди скал и ущелий огромных.
Камень уронишь - гремит он, как в бочке пустой.
Робко на плиты ступаешь, как будто на мины.
Сердце забьется. Дыханье замрет. Но - стой,
Разве не так покоряем мы жизни вершины?

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!*

Жизнь без оленей - как будто без соли еда.
Жизнь без родителей - это сиротская доля,
Где вся еда - только хлеб и сырая вода,
Хлеб - не всегда, потому что ведь тундра - не поле.
Темень и стужа. И выла пурга вдоль села.
Я, шестилетняя, нянчила кукол двухлетних.
Куклам живым как тогда объяснить я могла:
Все - на войне, и вот этот кусочек - последний?

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Скоро ли грянет победный весенний мотив?
Теплые зори - и те мимолетны и редки.
Но собирались, с собой инструмент прихватив,
Женщины сел на совсем невеселых супредках.
Иглы и ножницы, шкуры и прялки - в ходу.
Песни печальные плыли к черте горизонта.
Пели - а сами-то, превозмогая беду,
Малицы, пимы и тоборки шили для фронта.

Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Годы войны не забудешь, как в плаче ни вой.
Годы замужества тоже не слаще бывают.

* - Стой, подумай (здесь и далее - саам.)

Пара оленей в упряжке идет грузовой,
Только одной их веревочной пуйнсей* впрягают.
Если олень упадет, не осия пути,
Значит, второму - копытами в лед, но пытаться
Вырвать упряжку из снега и дальше идти,
Чтоб малышам замерзать среди гор не остаться.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

Как на супредках, во мне и поныне звучат
Песни тех лет. Только греет в них давнее что-то.
Дети мои, приводите скорее внучат,
Я их понянчу. Мне нравится эта работа.
Я по вершинам всей тундры полярной прошла.
Дали и пастбища - все я окинула взглядом.
Кто говорит: не ахти как большие дела?
Стойте. Подумайте. Пропасти - вот они, рядом.
Ара-ра-ра! Ара-ра-ра!

* - деталь парной оленьей упряжки

* * *

Так у нас повелось,
 что издревле
 ни бабки, ни мамки
Не готовили нам
 ни дворцов,
 ни затейливых замков.
Спали мы на полу -
 на траве увядающей, рыжей.
Сквозь дырявые шкуры
 мы видели звездную крышу.
И лежало за пологом
 тундры пространство немое.
Наши стены снегами
 ветра бинтовали зимою.
Целый мир был нам домом,
 манящим неведомой далью.
Шестерых нас кормила
 скупая земля Заполярья.
На болотных местах,
 золотясь,
 вызревала морошка,
И гуляли в озерах сиги
 и сигнажи за мошкой.
Собирались на ламбинах гуси
 в отлетные стаи...
Неизвестно на чем,
 но с годами и мы вырастали,
Выбирали судьбу,
 как ружейный приклад, по размеру.

Кто учителем стал,
кто строителем,
кто инженером.

Но и нынче,
живя
в городской или сельской квартирe,
Мы болеем о доме -
всеобщем,
единственном мире!

* * *

Все проходит:
И дожди, и слякоть.
Будет солнце на небе пылать.
Чтобы дочка перестала плакать,
Как со взрослой, говорит с ней мать:

- Я хочу,
Чтоб ты была здорова,
Чтоб росла, как молодой лесок,
Чтобы днями у крыльца родного
Ручейком звенел твой голосок.
Посмотри,
Весна пришла не с плачем
В край, продутый тысячью ветров.
И земля сегодня в новом платье,
Сотканном из листьев и цветов.
Вырастай скорее из пеленок.
Север так заманчив и красив!
Будешь, словно резвый олененок,
В летней тундре набираться сил.
И учись -
Без лени и кручины.
А достигнешь осени своей -
Успевай в работе, как мужчина,
И расти, как женщина, детей.

ПОДСНЕЖНИКИ

На дикой поляне
Одни среди талого снега
Синеют подснежники,
Будто крупиночки неба.

По тонкому льду
Через озеро
Тропку осилив,
Два тезки - Сережки -
Подругам цветы приносили...

Весенний ледок
Под ногами
И хрупкий и тонкий.
Но поздняя ласка
Волнует меня,
Как девчонку.

Я тропку пройду,
Я озерную стынь заколдую.
Пусть видит весна
Не седую меня -
Молодую.

Шаманом кричу надо льдом,
Чтобы легче я стала.
Дойду до поляны.
Цветы,
Словно счастье,
Достану!

* * *

На миг вернулась в юность,
Пропавшую в дыму.
Как будто прикоснулась
К заветному чему,
К тому, что отгорело,
Волнуясь и любя.
Как будто посмотрела
Сквозь зеркало в себя.

От боли в сердце тесно.
Что ж бередить года?
А ты поешь мне песню
Одну и ту ж всегда,
Поешь, мотив не зная,
По десять раз на дню:
"Тебя, моя родная,
Ни с чем я не сравню..."

ГОРЫ

Есть старинный обычай у вдов, матерей:
Все печали выплакивать серым горам,
Где, как эхо, извечная боль лопарей
Накопилась в ущельях по скалам и мхам.

Где всегда, даже в стылых полярных ночах,
Словно женские слезы, струится река.
Дышат холодом камни, как мертвый очаг,
И, как дети, уходят в туман облака.

Горы высятся строго вблизи и вдали.
Над вершинами снежными дымка парит.
И мне кажется:
Это - ладони Земли,
Отдающие нам минерал -
лопарит*.

* - минерал, открытый на Кольском полуострове

* * *

Где же ты, Тарасик, где ж ты, пастушок?
Малица расшитая, выйдешь на лужок -
Тоборки точеные, загляденьс весь.

Так оно,
 так оно,
 так оно и есть.

Не успел с девчонками вдоволь поиграть.
На борьбу с фашистами поднималась рать.
Гимнастерка ладная, под пилотку - честь.

Так оно,
 так оно,
 так оно и есть.

И ушел, родимый, не пастух - солдат,
От восхода солнца прямо на закат.
И домой принес он радостную весть.

Так оно,
 так оно,
 так оно и есть.

За победой - дети, будто счастье вновь:
Колюшка, Егорушка, Тонюшка, Любовь.
Сколько поприбавилось женихов, невест!

Так оно,
 так оно,
 так оно и есть.

Пусть в заботах будничных быстро жизнь прошла, -
Долго не забудутся добрые дела.

Имени Тарасову, как совхозу, цвести.

Так оно,
 так оно,
 так оно и есть!

ПРОРУБЬ

Слабый вестерок задул под вечер,
Распушил поземки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и теплую, хоть гладь.

Дом в сугробах прячется до крыши,
Без лопаты не открыть дверей.
Только прорубь на реке застывшей
Синим оком смотрит на людей.

С детства всем нам хорошо знакома
Ледяная чашечка воды.
Присмотритесь:
От любого дома
К ней цепочкой тянутся следы.

А река струится и струится,
Звонкая, как песня, подо льдом.
Говорят, что, если изловчиться,
Можно солнце зачерпнуть ведром.

Пусть зима завьюжит снегом землю
Или стужей северной дохнет.
Если ночью прорубь и задремлет -
Вновь к рассвету око распахнет.

Ежедневно -
Было так и будет, -
В радости, печали и беде,
По утрам сюда приходят люди,
Благодарно кланяясь воде.

СНЕГОПАД

Поутру, по январю,
Снег укрыл дома.
Я тебя благодарю.
Снежница-зима,
Вот за эту белизну
Над лесной грядой,
За зеленую сосну,
Ставшую ссдой,
За просторный светлый мир
В снеговом лету,
За дареную на миг
Эту красоту,
За резные кружева,
Павшие с небес,
И за добрые слова,
Что шептал мне лес.

Порой в одиночестве думаю я:
"Все искры жилищ превращаются в звезды.
Пусть годы проносятся.
Внучка моя
Покажет любимому всером поздним
Звезду наших предков над древним селом:
- Смотрите,
 как звездочка светится ярко! -
И сумрак укроет их мягким крылом,
Влюбленным не надо иного подарка".

ВЕЛЛЕС-КАРНОС

Жил когда-то в Чальмны-Варрэ
Дед - седая голова,
По прозванию Веллес-Карнос*,
Хоть ходил едва-едва.

С ним такая же старуха
Проживала с давних пор,
Слеповата,
Тугоуха,
Лишь язык один востер.

Потому не скучно деду,
Чай попив,
Часам к шести
Задушевные беседы
Со старухой вести.

Все б судили да рядили
И об этом, и о том.
Жаль, детей не народили,
А без них не красен дом.

Неутешенная старость.
Ночь полярная длинна.
Только память и осталась
О прошедших временах.

...Да и как не вспомнить деду,
Дней события вороша,
Что была старуха эта
И стройна, и хороша!

* - быстрый, ловкий

Куропаткою порхала,
Где кунце не пролезть.
И свестился алый-алый
В частом бисере перьвеськь*.

К ней на севе
В поселенье
Он приехал под окно.
Разнаряжены олени
В ярко-красное сукно.

И запел он,
Подбирая
Слово каждое с трудом,
Что в его восточном красе
Для нее построил дом.

Он капканы бы поставил,
Он бы выследил лося
И такую свадьбу справил -
Чтоб дивилась тундра вся!

*

Ночью лунной чуть хмельные,
После пира хоть не в срок,
Собирались молодые
В путь далекий, на восток.

Едут час,
Четыре едут.
Засиял рассвет едва,

* - девичий головной убор

Завела она беседу:
- Мой любимый, порсува*.

И прервал он бег оленей,
Положил на снег хорей,
Осмотрел в недоуменье
Шкуры мягкие под ней.

Все нормально.
Тронул снова.
Заплескалась синева.
Слышит сзади то же слово:
"Порсува" да "порсува".

Злой,
Воткнул в сугроб хорей он:
- Отдохни, а я пока
На костре часок согрею,
Путь-дорога далека.

Молодая тотчас живо
Узелок достала с нарт
И припасы разложила:
- Скушай, милый мой, кульгар**.

Даже плюнул он с досады.
"Как, - подумал, - дальше жить?
Ну и женка!
Это ж надо -
Мужу горечь предложить".

* - кушать хочу (северный диалект)
сидеть неудобно (восточный диалект)

** - пирог с рыбой (север. диалект)
рыбная горечь (восточ. диалект)

Он ее одернул резко,
Придвигая котелок:
- Ты сама такое трескай,
Я уж как-нибудь
Часк...

Без привала
Сутки кряду
Мчались, сон забыв, еду.
И она примерзла задом
К нартам, словно таз ко льду.

*

...Было.
Мало ли что было.
Но жена его с тех пор
И обычаи сменила,
И нездешний разговор.

И года считать забыли,
Сколько прожили потом.
Жаль, детей не народили,
А без них не красен дом.

Неутешенная старость.
Ночь полярная длинна.
Только память и осталась
О прошедших временах.

СНЕЖНИЦА

В апреле начинает таять снег.
И хоть покрыта тундра белизною,
И хоть еще не скоро быть весне,
Но все уже наполнено весною.

Еще немного -
И пойдёт вода.
Сначала робко,
 между льдом и снегом.
Потом осядет снег,
Не станет льда, -
И талая вода зальётся в беге.

Озера разливаются в моря,
Болота, как озера, набухают.
А в речке камни под водой горят,
Как темным лаком крытые,
сверкают.

Журчит вода.
И ребятня, боса,
Бежит вдоль речки, не боясь крапивы.
И солнце, поднимаясь в небеса,
Льет свет, который всю зиму копило.

И пышный ягель тундре так к лицу, -
В оленье стаде скоро быть приплоду.
И важеньки подходят к озерцу
И важно пьют
 живительную воду.

* * *

Показаться может кому-то:
В мире все друг другу сродни.
Зорьки вечером есть
И утром,
И на радость для всех они.

Мы у солнца радости просим.
А ведь разная есть она:
Радость
 поздняя, словно осень,
Радость
 ранняя, как весна.

Но любая из них, как награда,
Ожидаемая давно.
Чаще это -
 шумная радость,
С пляской,
С песнею озорной.

Но бывает,
 несслышной тенью
Робко в двери войдет -
Гляди -
Радость
 тихая, как младенец,
Что припал к материнской груди.

ДЕД СЕМЕН

Тверд и крепок дед Семен,
Шаг его уверен.

Поминутно занят он:

То ли ладит двери,

То ли сани мастерит,

То ли чинит упряжь.

Но как месяц ни блеснит -

Он идет на убыль.

Вот и пенсия дана

До скончанья века.

Но без дела,

Как без сна,

Трудно человеку.

Некому сказать словцо,

Некого послушать...

Он тогда парней-юнцов

Стал учить пастушить.

- Если будешь ставить чум,

Оглядишь,

Помешкай.

В этом деле нужен ум,

А отнюдь не спешка.

Был я в юные года

Тоже неумелым

И считал:

Пасти стада -

Не ахти и дело.

Ну, а чум-то...

К жерди - жердь,

Шкуры - честь по чести.

Котелка сверкаст медь.

Вроде все на месте.

Сплю.

Вдруг полог - нараспах,

Женщина заходит
И с улыбкой на губах
Тихо речь заводит:
"Как ты, Ссмушка, решил
Чум поставить?
Ну-ка,
Сколько в тундре ты прожил,
Где твоя наука?..."

Да как дунул востерок,
Будто чья-то шалость.
Шкуры, жерди, котелок -
Все перемешалось,
Полетело кувырком.
Я вскочил, тревожен.
Как непрочен был мой дом,
Хил и ненадежен!

И тогда открылось мне
Той полярной ночью:
Женщина была во сне,
А сказала точно.
Потому не верь глазам,
Строй на совесть,
Любо,
Чтоб доволен был и сам,
И другие люди!

* * *

Июльский полдень.
Тишь сквозная.
Куда деваться от жары?
И лишь, усталости не зная,
Звенят над ухом комары.

А с висока,
Из поднебесья
По селам, полям и лесам
Струится жаворонка песня,
Легка, крылата, как он сам...

Но гром из туч ударит глухо -
И птица спрячется в кусты.
А комары звенят над ухом
И не боятся темноты.

Когда дождями мрак спрессован,
Все птицы скрыты под листвой...
Конечно, можно петь при солнце.
Попробуй
 в непогоду спой!

* * *

Как же разнятся слова:

ДА

и НЕТ!

ДА - зеленая трава,

Солнца ясный свет.

ДА - костер, стреляя в ночь,

Грусти топит лед.

ДА - надежда, что помочь

Кто-нибудь придет.

НЕТ -

осенняя пора.

Серый скрип песка.

Дождь, что льет как из ведра.

Сырость и тоска.

НЕТ - пугающая тьма.

Холод сквозь пальто.

НЕТ - ослепшие дома,

Где не ждет никто...

Но живет сомненьный груз.

Давит тяжесть лет.

Ведь слова находит трус,

Где

ни ДА ни НЕТ.

В тень спешит он, как слизняк,

Чтоб не на виду.

"Ну как сделаю не так?
Лучше подожду..."

Я сомнения всегда
Разрешить смогу:
Если другу -
Только ДА.
НЕТ -
 врагу.

* * *

Влажно утро.
Восход с позолотой.
Даль прозрачна, ясна, широка.
Затопила луга и болота
Разгулявшаяся рска.

Вновь заботы у деда Трофима:
Он копается в снастях своих.
Вот раздолье-то нынче налимам
Да и щукам
В лугах заливных!

Вскоре будет и лето на гребне,
Сенокоса наступит пора.
Словно стяги,
Поднимутся ценьге*
Там, где рыба клевала вчера.

И пойдут краснощельцы на пожни -
Работающий и дружный народ.
Будут косы звенеть, осторожны,
И вставать за зародом зарод.

И у деда Трофима работа:
Хоть давно уж не косит он сам,
Но зато золотую погоду,
Как синоптик,
Предскажет косцам.

* - колья для зародов

ОСИНА

Не так и давно это было.
Под шелест упругих ветвей
Я в летние ночи любила
Стоять у осины своей.

Но осень приблизилась робко,
Снегами дохнули ветра.
Не шелест теперь уже - ропот
Мне чудится в голых ветвях.

И только в лазоревой выси,
Подернуты первым ледком,
Дрожат уцелевшие листья,
Звенят - неизвестно о ком.

Стройна и прекрасна, как прежде,
Осина прижмется к крыльцу.
Ей белые эти одежды
Всегда, как невесте, к лицу.

И, глядя на эту осину,
Я думаю:
"Что ей зима?
Ведь каждое время красиво -
И юность, и старость сама".

* * *

Который год -
Полжизни ли, полвека, -
Горел огонь в жилище человека
И все же понемногу стал слабеть.
Однажды утром, днем ли, в поздний час ли
Вот так же в нас огонь душевный гаснет.
А как его раздуть в самих себе?..

Я шевелила кочергой поленья
И вдруг золу задела.
И мгновенье
Вдруг показалось: ранили меня,
Тупым ножом по сердцу резанули.
Так под золою заискрились угли,
Как будто жар душевного огня.

Я поняла:
Жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...
Живу я -
Для тебя лишь сердце бьется,
Я песнь пою -
В ней о тебе поется,
Я говорю -
А в думах только ты.

* * *

Ты помнишь,
У моря с тобою
Стояли мы, споря с грозой?
А с берега капли прибоя
Стекали соленой росой.
О камни волна разбивалась,
Вдали горизонт накреня.
И розовой чайка казалась
В лучах уходящего дня.
И чтобы прощанье скорее
Вновь встречу отозвалось,
Ты мне подарил ожерелье
Черней твоих черных волос.
Никто еще не был так счастлив.
Не зря же матросы в беду
Под крыльями розовой чайки
В счастливую верят звезду...

Зачем же так пело свирелью
Девчоночье сердце?
Взгляни:
За черным твоим ожерельем
Нагрянули черные дни.
В безрадостном жизненном море
И грозы гремят,
И бои.
И я до сих пор не отмою
Те черные бусы твои.

* * *

Как нежданно ударил осенний мороз!
Ведь еще и листва облететь не успела.
И чернсе земли остывающей тело,
Не укрытое снегом,
Все в бусинках рос.

Так неожиданным твой зов оказался,
Твой зов -
Как дыханье тепла среди тундровой стужи.
Ни к чему выходить мне куда-то и слушать, -
Я твой голос узнаю средь всех голосов.

Я по-прежнему голову прямо держу,
Но глаза-то к промерзшей земле опускаю.
Это лето такое
Иль осень такая?
Я от холода или от страха дрожу?

Неужель по весне улетевшей тоска
Бередит мое сердце и душу тревожит?
Ведь не только глаза,
Но и голову тоже
Мне с годами придется к земле опускать.

Но я верю: как северный ветер ни груб,
Все же солнце взойдет над речною излучкой.
И согреют меня
Голоса моих внуков,
Что теплее песцовых и норковых шуб.

* * *

Чьи это смелые краски и кисти?
Кто из художников чудо принес?
Будто погладили лапкою лисьей
Нежно-зеленые платья берез.

Кто на осины багрянец набросил,
А на рябины - рубиновый шелк?
Только ли изморозь?
Только ли осень?
Может быть, возраст такой подошел?..

Чуть на виски лягут белые нити,
Смотришь - и вся голова уж седа.
Лапки лисы, я прошу, не коснитесь
Наших сердец никогда-никогда.

ОСЕНЬ

Льет ливень без конца
С нахмуренных небес.
Озябли деревца,
Но он не умер - лес.

Он этой влагой сыт,
Приветствует рассвет.
Лишь тоненько дрожит
Березовая ветвь.

Хотя весенних вод
Немало утекло,
Во мне еще живет
Душевное тепло.

В моих коротких снах
Льет солнце яркий свет,
И красочно в лугах
Горит цветов букет.

Смотри, как молода
Река без белых льдин,
И падает вода
На лопасти турбин.

Пусть в снеговом дыму
Еще спешить ветрам.
Но нет в моем дому
Двойных оконных рам.

Ведь половодью тьмы
Не скоро быть пока.
И мы не ждем зимы -
Ни я и ни река.

Что за ночь беспокойная выдалась!
Сын соседки ревет за стеной.
А пурга отгудела и выдохлась
И утихла...
Но что же со мной?
Я не сплю.
И скрипит, не надломится
У крыльца вековая сосна.
И березка полярная клонится,
И печалится ель, зелена.

Кто стучится?
Соседка ли, ветер ли?
Скрипнет дверь.
Я засов наложу
И читаю бессмертного Пестфи
И родные слова нахожу.

Это кажется чудною сказкою.
Открываю в дремотной ночи,
Что любовь -
На венгерском, саамском ли -
Одинаково близко звучит
И для тех, кому солнце не мерсно,
И для тех, кто сроднился с пургой...

Ненавистный,
 неласковый,
 ветренный,
Что же ты не пришел,
Дорогой?

ЧАСЫ

Над работой
Никну, никну
И тяну
Иголку с ниткой.
За петлей
Ложатся петли.
Тише, время,
Бег замедли.
А часы,
Не зная сбою,
Тик-да-так...
Как мы с тобою.
Ну куда ты?
Почему ты?..
За минутою -
Минуты
Так и льются,
Словно воды,
Год за годом,
Год за годом.
Дай мне,
Время,
Теплый ветер,
Чтоб скорее
Друга встретить,
Чтоб о счастье,
Не печали,
Тик-да-так -
Часы стучали...
Тик-да-так.
Приходит старость.
Только память и осталась.

* * *

Я стою у крыльца,
На пороге родимого дома.
Белизна,
Белизна без конца...
Как все это знакомо!
Знаю: холод и снег
Повторяются неоднократно.
Но года,
Что прожил человек, -
Невозвратны.
Как любила я эти края,
Утро каждое песней встречая!
Не заметила:
Юность моя
Отцвела иван-чаем.
Солнце радости заволокла
Туча скорбная
В ливне и громах.
И в душе не осталось тепла,
Как в нетопленном доме.
Были счастливы мы,
Токовали весной на опушке.
А теперь
Посредине зимы
Я одна, как кукушка.
Ни покоя, ни сна.
Снова руки без сил опускаю...
Вот опять на дворе белизна,
Белизна-то какая!

Вольная птица

1987

ВСТРЕЧА

Нынче на селе не знают горя.
Пусть зудит над ухом мошкара.
Приплывает в лодке дед Григорий
С грудой серебристого добра.

На рыбалке солнцем облученный,
Ветром опаленный -

ничего! -

Рыбу раздает Григорий Черный:
Прозвище такое у него.

Навалились дружно, всем колхозом,
Ящики из лодки - в ледники.

И еще осталось -

в гости просим

К нам на угощенье, зсмяки!

И у всех улыбчивые лица.

Громко ложки за столом стучат.

Будет для друзей вкусна ушица,

Будет кухт* отменный для внучат.

А потом в беседе увлеченной

Просидят до утренней тиши...

Деда все зовут - Григорий Черный,

Да светлей на свете

нет души.

* - национальное блюдо из рыбы и ягод

* * *

Утром ясным, спокойным
Распахну я глаза:
Что за чудо такое?
Разве есть чудеса?

Одуряюще пьяно
Пахнут травы в лугах,
На душистых полянах,
На речных берегах.

Под сосновой папашой
Где-то в гуще хвои
Кормят малые птицы
Малых деток своих.

На озерную просинь
Вдоль рыбацких глубин
Теплый ветер набросил
Сеть рябую морщин.

Красотою дурманя
Всех парней из села,
Вот телятница Маня
На работу пошла.

И не к праздничной дате,
Но свежи и чисты
На рабочем халате -
Луговые цветы.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

В сентябре ударил ранний холод,
И туманы пали на реку.
Светлым утром
Соберемся в школу
И уйдем навстречу ветерку.

А трава бела,
На лужах льдинки.
За мохнатой сопкой солнце спит.
"Кырч-кырч-кырч..." -
То новые ботинки
Или первый иней так скрипит?

...Но нежданно солнце из-за леса
Выкатило яркий жаркий круг.
И мгновенно воздух весь прогрелся,
Будто осень отступила вдруг.

Языки-лучи, пылая в сини,
Вылизали землю,
Каждый куст.
Видно, солнцу этот первый иней
Очень уж понравился на вкус.

* * *

Тундры белос полымя...
Стылые снежные скаты...
Человека не встретишь
За тысячу верст, хоть кричи.
Расскажи мне, земля,
Почему же зимою мертва ты?
Разве жизнь замирает
В холодной полярной ночи?

Лишь ознобные встры
Вздыхают отрывисто, тяжело.
Не о том ли когда-то
Пастух седовласый мечтал,
Чтобы тундра проснулась
И шубу свою -
нараспашку.

Нужен уголь стране,
И бесценная нефть,
И металл.

Чтоб дорога легла
Под тугие машинные шины.
Чтоб земля позабыла
Свой долгий беспмятный сон.
Чтобы даже в горах
Уходящие в небо вершины
Освестились огнями
Искусственно созданных солнц.

Посмотри,
 как растут города,
Не окинешь и глазом.
Рудники на упряжке
Уже не объедешь за день.
И доверчиво путь
Уступает огромным БелАЗам
Тихоход,
 старожил этой тундры -
 полярный олень.

* * *

Как длинна эта ночь,
Как мрачна эта темень.
Свет окна моего
Как пятно на снегу.
Лечь давно бы пора,
Надо спать в это время.
Только я до кровати
Дойти не могу.

Сын домой не пришел.
Где же он, полуночник?
Ведь во мраке
С бедой повстречаться он мог...
Наконец-то звонок.
Открываю - сыночек!
Он счастливый,
Сияет, как весенний цветок.

И на слезы мои
У него уверенья:
- Ты прости, -
(А глаза полыхают огнем.) -
Если кто-то один -
Тихо тянется время,
Очень быстро летит оно -
Если вдвоем...

Слежавшийся снег -
 ледяная крупа.
Слежавшийся снег -
 водяная душа.
Глазами стреляет свекровь:
 па! па! па!
И свекор трясёт бородой:
 ша! ша! ша!
И шагу ступить
 не дадут никуда,
И даже на миг
 не оставят одну.
Мне в этом дому
 не житье, а беда:
Как будто по снегу
 упряжку тяну.
И тяжко,
 и выюга кружит надо мной.
К соседке б сходить -
 да не выкроишь дня...
Как вольная птица,
 я вырвусь весной, -
Куда ж вы тогда,
 старики,
 без меня?

* * *

Не заместили, как
Желтолицая осень к концу подошла.
Все живое на зиму
Готовит запасы тепла.
Потемнели дожди.
Стылой ночью не видно ни зги.
На большие глубины
Уходят в озера сиги.
Даже звери в лесу
Поменяли окраску и шерсть.
По утрам под ногами
Ледок шебуршит, словно жесть.
В доме двери подогнаны,
Плотно заложен чердак.
В окнах рамы двойные
Глядят в наступающий мрак.

Как долги вечера
В Заполярье, продутом насквозь!
Здесь желанен, как воздух,
Любой, хоть непрошенный, гость.
Только скрипнет едва
Припорошенный снегом порог,
Сразу - чай на столе,
Шаньги свежис,
С рыбой пирог.
Я теплом поделюсь,
У меня его хватит на всех.
Если чай не поможет,
В запасе есть шутки и смех.
И словами нельзя объяснить,
Как я рада гостям!...

То, что будет потом,
В одиночестве, -
Это пустяк.

* * *

Не буду я плакать,
Не буду заламывать руки.
Рыдать, голосить о прошедшем
Лопарке нельзя.
За делом пою
Свою песнь о любви, о разлуке.
И вдруг по щеке
Бисеринкой скатилась слеза.
Ну и что?

И руки и пальцы в движенье,
Мелькает наперсток.
Сижу я и шью
И тихонько пою про житье.
Потуже мне швы затянуть
И привычно и просто.
Но все же неспрошено
Капнет слеза на шитье.
Ну и что?

Я в доме одна.
Это время приходит такое.
С осеннею стужей
Поднялись птенцы на крыло.
Что им делать в гнезде?
Им еще далеко до покоя,
Им не скоро еще
Возвращаться в родное село.
Ну и что?

Сентябрь наступил.
И мне тоже пора на работу.
Закончилось лето,
Как грустная песня моя.
Опять окунаюсь
В большие дела и заботы.
И встретят меня
Школьный дом
И большая семья.
Так и есть!

* * *

Вновь в порту гудки горланят звонко,
Рвется тишина на лоскуты.
Не находит солнце горизонта -
День и ночь сияет с высоты.

Этот свет влюбленных всех тревожит,
Им бы все гулять да говорить.
Кто-то с непривычки спать не может,
Просит окна шторами закрыть.

Я бы тоже ночь бродила, пела,
Было б только с кем глядеть на свет.
Ну, а если спать -
Какое дело,
Есть на небе солнце или нст.

ПРАСКОВЬЯ

Не вчера ли
Лето было?
А сегодня - ой-с-ей! -
Закружило,
Запружило,
Засияло белизной...

И Прасковья молодою
Да красивою была.
Самой лучшей на Понос
Мастерицей прослыла.

Где со старостью столкнулась -
Не заметила сама.
Только вышла,
Обернулась -
А вокруг уже зима.

По сугробам,
Как в тумане,
С посошком селом бредет.
То ли к Рочевой заглянет,
То ль к Матрехиной зайдет.
Свежей новостью уважит,
Посидит,
Чайку попьет,
То быличку им расскажет
Или лувт* какой спост...

А недавню порою
В наше древнее село
Вместе с вышкой над горою
Телевиденье пришло.

* - эпическая песня

Для Прасковьи это - диво
Пострашней, чем сатана.
Потому,
Зайдя к Клавдии,
Так и охнула она.
Знать не зная об экране,
Закачала головой:
- На-ко, парень в чемодане,
А беседует с тобой!
Что ж, племянница, творится?
Стыд-то -
Дымом по селу.
Шьешь ты, девка, рукавицы,
Шерсть и клочья на полу.
У тебя ж в гостях -
Мужчина!
Накормила бы сго.
Хоть видна-то половина
Из окошечка того...

Ведь случится же такое!
Хоть по-доброму,
Не зло,
Но от смеха над Прасковьей
Всё село, считай, трясло.
И в лесу
На всю округу
Вдоль замерзшего ручья
Злая северная вьюга
Заливалась, хохоча.

* * *

Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней.
И что тебе в родном гнезде не спится?
Неужто воля впрямь тебе нужней?

Высок простор.
Он манит наши души,
Но что изменит он в твоей судьбе?
И кто еще споет на сон грядущий
Любовное признание тебе?

Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу.
Мне холодно,
Но я не сожалею.
Мне тяжело,
Но груз я пронесу.

Живи, моя обласканная птица,
В своем небесном голубом раю.
Но если вновь придется приземлиться,
Ты знай:

я больше песен

не пою!

* * *

Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей.
Где же счастье, о котором пели вы -
Все гадалки давней юности моей?

Ни товарища, ни друга у меня.
Голова, как склоны горные, седа.
Прошлогодним снегом душу леденя,
Все хорошее уходит, -
а куда?

Но гадалки утешают: ну и пусть.
Что печалиться?
И старость - не беда.
Ведь и в жизни-то была не только грусть
И не только снег,
не только холода...

Истаяла любовь, как звездный след.
Теперь уж - точно - не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.

Не дождалась...
А ты и не спросил, -
Да и к чему ненужные вопросы? -
Ушел туда, где дождик моросил
И где рыдали у реки березы...

Но от дождя
 теплест лишь земля.
Над ней бушуют запахи июня.
И первые густые зелены
Пьянят меня, как памятная юность.

И верится в родном своем краю,
Шагая по распаханному лугу,
Что я гнездо по-новому совью,
И все начнется
по второму кругу.

* * *

Камни, камни, камни, камни
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Эти камни предок ищет,
Чтоб занять себя трудом:
Пурно выстроить для пищи
Или даже - целый дом.

Польза помнится всками
До сегодняшнего дня.
Жернов, нож, топор -
из камня,
И кресало для огня.

А для праздника, веселья
Есть в камнях другой запас:
Жемчуга для ожерелья,
Амethystы иль топаз.

На горах, в лесах и в тундре
Мирный сон земли хранят.
И нередко с камнем люди
Сердце верное сравнят...

Камни, камни, камни, камни
Молчаливы, холодны,
Как росы студеной капли,
Как дыхание луны.

Сколько вас по тундре мглистой, -
Не пытайся, не считай.
Край полярный -
каменистый
И родной навеки край.

* * *

Вновь несчастье...
Да с кем не бывало!
Только верь -

перемелется все.

Как весною снега с перевала,
Жизнь печали твои рассосет...
Но порою

все эти напасти

Вызывают понятную злость,
Как заноза,

застрявшая в пальце,

Как в подошве расшатанный гвоздь.

* * *

Огонь костра сродни
Большому солнцу лета.
Он освещает дни,
Им люди обогреты.
То вспыхнет на ветру,
Как стяг, взметнувшись кверху.
То на полне вдруг
Мигнет пушинкой вербы
И пропадет во мглу,
Оставив горечь дыма
И ссрую золу
На почве неслюдимой...

А наша жизнь -
Она
С костром не схожа разве?
Кто в ней горит до дна
И в будний день, и в праздник,
Сам становясь, как стяг,
Для всех людей планеты...
Кто говорит:
- Пустяк,
В горении смысла нету...
Он так накоротке
И проживет, наверно,
Как тлеет в уголке
Глазок пушинкой вербы.
Его задавит мгла,
Задушит горечь дыма.
И на ветру зола
Рассеется незримо.

* * *

Сегодня ты явился мне во сне...

И на душе вдруг сделалось светлее.
И солнечные блики на стене,
Как в танце, закружились веселее.
Блестят полы и даже потолки,
Чиста, на кухне светится посуда.
Омыли зелень сосны у реки,
И весь поселок праздничный, как чудо.

Сегодня ты явился мне во сне...

Как будто кто-то с первою каплей,
Большой и добрый, в чуткой тишине
Зашел в мою заброшенную келью.
И в тот же миг свершились все дела,
Откуда только появились силы.
И на окне фиалка расцвела,
И я сама вдруг сделалась красивой.

Сегодня ты явился мне во сне...

А если бы ты рядом был со мною,
Сияло б вечно солнце в вышине
И никуда не пряталось зимою.
И вечно б рядом слышался твой смех,
Не становилось в комнатах темнее.
Счастливые умеют делать всех
Радужнее, добрее и умнее.

.....

Сегодня ты явился мне во сне.

* * *

Травы детства,
Травы детства
Возле старенького чума!..
Нет еще такого средства,
Чтоб забыть ваш запах чудный.

Таял снег.
И вечер поздний
Становился чист и светел.
За рекой полянки, пожни
Покрывались разноцвесьем.

Одуванчиков круженье...
Кашки кружево резнос...
И плыло воображенье,
Словно лодка по Поною.

На простор родного края
Не могу я наглядеться.
К вам всей грудью припадаю, -
Травы детства,
Травы детства...

* * *

Дровами в жарком камельке
Сгорают прошлые обиды.
И мы сидим -
 рука в руке,
Тепло и свет вокруг разлиты.

Еще вчера лишь для меня
Казался ты чужою болью,
И в свете одного огня
Не думалось сидеть с тобою.

А тишина вокруг острей,
И ни к чему упреки, споры.
Горят обиды на костре,
Потрескивая, словно порох.

Сгорели, как печальный быт,
И на тепло и свет распались.
И лишь крупницы тех обид
Золою в памяти остались.

* * *

Тайны мира -
И добра, и зла -
Не постичь, наверно, никому...

Мать на свет мальчишку родила, -
Появилось
 солнышко в дому.

Мать в заботе кружится без сна:
То еда, то стирка, то шитье.
Но зато в кроватке у окна
Мирно спит
Грядущее се.

Стены деревянные да печь.
Шкуры на полу взамен ковров.
Пусть растет,
 чтоб дом ему - до плеч,
Богатырь из сказочных миров.

В жизни все дастся нелегко...

Чтоб дитя росло из года в год,
Мать ему не только молоко -
Счастье и надежду отдаст.

Чахкли

1989

ВИРМА

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что тайшь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камушек на дне.

Разлилась ты в устье вольно.
Под ветрами там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.

Кто длину твою измерит?
Ты журчишь, средь гор июля.
Вир

в саамском значит -

берег,

Ма -

родимая земля.

Сквозь меня, как сердцевина,
Как целебная струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма -
родина моя!

БЕЛКИ

Где раньше был сосновый бор,
Стволы гудели,
Шишки зрели -
В домах, взбсжавших на угор,
Справляют люди новоселье...

Еще сидим на кирпичках,
И пахнет клесом и побелкой,
А дети у окна кричат:
- Гляди-ка, мама!
Белки!
Белки!...

Они бегут сквозь шум и гвалт
Среди скамеек и качелей,
Там, где закована в асфальт
Извечная тропа кочевий.

И невзирая на запрет,
Через шоссе
 к другому бору
Они летят на красный свет,
И сами -
 точно светофоры.

Горят их алые бока.
Уходят белки в сумрак росный,
Туда уходят, где пока
Еще не вырублены сосны.

ВОЛШЕБНОЕ КИНО

Вышла Амбый на крылечко,
Видит:
Льдом покрылась речка,
Плотно склсив берега.
Рсбятня стоит, хохочет,
Но на лед идти не хочет -
Очень тонкий он пока.

Дед Назар рыбачить мастер.
Он ссейчас поставит снасти -
На налимов перемет.
Он пустил вперед собаку,
А за ней скользящим шагом
Смело двинулся на лед.

И тогда сказала Амбый:
- Так ходить и надо нам бы!
Разбежалась - и бегом!
Подскользнулась и упала.
И лежит. И горя мало:
Чудо видит подо льдом.

Под стеклянной тонкой коркой
Встали водоросли горкой
И колышутся едва.
Между темными камнями
Молча шевелит губами
Пребольшая голова.

- Дед Назар, лови налима!..
Только дед просхал мимо,
Он получше знает дно.
И зовст она мальчишск:
- Подходите!
Только тише -
Здесь волшебнос кино!

РОДНИК

Я - родник, родничок,
По камушкам чок да чок,
Выглянул на свет дневной
Из-под толщи земной.
Холодна водица,
Пить - не напиться.

С гор в низинные края
Протекла моя струя,
Раздвигая берега
С ивами, осокою.
Погляди-ка:
Я - река,
Быстрая, широкая.

От заката до заката
Я реву в порогах.
Перекат за перекатом -
Трудная дорога.
На равнине лесной
Воды разбросила.
Ты замри передо мной:
Я уже - Ловозеро.

Ластится волна у ног,
Как озябший щенок.
А чуть солнце встанет -
К небу воду тянет.
И уже в синеву
Облаками я плыву.

А когда устану я,
Мчась путями звездными,
Возвращусь в свои края
Капельками росными.

По травинке, по листу
Тихо и спокойно
Я уйду в темноту -
В тесноту, под корни.

Но сольюсь там в струю,
Тишину нарушив,
Твердь земную пробью,
Просочусь наружу,
По камушкам чок да чок.
Я - родник,
Родничок.

* * *

Зимним утром туман
Над горою прошел, по-над лесом
И хрустальные бусы
Сосенкам густым понавесил.

И стоят деревца
И звенят хрусталем что есть силы:
- Ах, красивы ли мы?
- Ну, конечно же, очень красивы!..

ДОВЕРЧИВЫЙ ЛИС

Где гора изогнулась подковой,
У дороги, сбегающей вниз,
Возле бойкой рудничной столовой
Поселился
 доверчивый Лис.

Он здесь логово вырыл искусно,
Спал в сугробе, свернувшись клубком.
И курятины запах из кухни
До него доносило дымком.

Страх к людям давно он не ведал
И в труде не мешал никому.
А от их немудреных обсдов
Доставался кусок и ему.

Пусть морозы стояли жестоки
И метели тревожили сны, -
В самом центре грохочущей стройки
Лис прожил
 до начала весны.

Но в апрельское звонкое утро,
Чуть восток заалел, как рубин,
Позвала его вешняя тундра
Властным голосом
 вечной любви...

Кратко лето на Кольском...
И снова
Скрылась тундра под снегом седым.
И однажды к знакомой столовой
Лис вернулся
 с семейством своим.
И на всех бы хватило обсдов.
Что ж, зимуйте в рудничных снегах!

Да узнал неслучайно об этом
Дед Евгений, что ходил в сторожах,
И поставил капканы...

Довольно!
Больно так, что писать не могу.
Мы жестоки порой.
Не с того ли
У природы народы в долгу?

Что им сделали бедные звери,
В бедах к людям торящие путь?
Ведь потерянное доверье
Никогда уже нам не вернуть.

НАГРАДА

Улеглась пурга лихая,
Наступила тишина.
Даже слышно, как вздыхает
За оградой сосна.

Занавески отодвинув,
Изучаем из тепла:
Кто раскрасил серебрином
Ткань морозного стекла?

Ртом окошечко протаем
И глядим во все глаза,
Как подснежники с проталин,
В голубые небеса.

Пусть восход горит над далью.
Пусть под птичью перезвонь
Солнце
 золотой медалью
Награждает новый день!

* * *

Зачем у березы
Вы ветку сломали?
Затем ли,
Чтоб в лютый мороз и туман
Приблизить весну
На денек ли, на два ли...
Но полноте, -
Это же только обман.

В стакане с водою
У ветки березы
Зимою
Листки начинают горсть:
Последняя радость,
Последние слезы
Пред тем, как -
Уже навсегда -
Умереть.

ГУСИ

Весенний ветер - как дыханье
Родимой матери-земли.
Гусей и уток гоготанье
Над тундрой слышится вдали.

Весна...
Над травами и мхами
Бушует талая вода.
Весна щедра отпускатниками,
Штурмующими поезда.

У них теперь одни заботы:
Умчать от этой суеты
На черноморские курорты
И на кавказские хребты...

А над озерами, лесами
Призывно стаи колготят.
Скажет вдруг старик-саами:
- А гуси-то

сюда летят.

Так что ж они - людей глупее?
Ведь нет, летят издалека,
Хоть здесь и море не теплее,
И горы не под облака.

Летят в косых лучах рассвета
От южных золотых полей.
Им и коротенькое лето
В родном краю
всего милей.

СОСЕНКА

Рассказ бабушки

Погляди-ка, внученька,
На мои дела:
Вон сосёнка рученьки
К небу вознесла.

Мной она посажена
Много лет назад.
Тут и дед твой хаживал,
И отец, и брат.

Прижилось ведь деревце,
Хоть и камень здесь,
А гляди - надеется
И на то, что есть...

Выйдешь, в жизнь влюбленная,
Скроешься вдали,
Не забудь зеленое
Пёрышко Земли.

ЧАХКЛИ

Когда заскучается в доме,
Ты выберись в дебри тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.

Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал -
Он все за тобой повторит.

Топориком стукнешь по ветви -
Такой же услышишь ты стук.
А крикнешь - он эхом ответит,
И звук улетит за версту.

Когда же по небу заносят
Дождливыс тучи ветра,
Расстелет постель ему осень
Из листьев, травы и пера.

И если случайно зимою
Ты вновь заберешься сюда,
Увидишь пространство немое,
А гномика - нет и следа.

Но только плохого не думай,
Своею дорогой иди.
Нет, маленький чахкли не умер.
Он спит.
Ты его не буди.

ВЬЮГА

Задымил, затянуло
Край нагорья облаками.
Над Кедткь-выррэм* злая вьюга
Народилась и - пошла.
Полетели вниз лавины -
Снег и камень,
Снег и камень.
Даль, что утром голубела,
Нынче вся белым-бела.

По домам сидите, дети, -
Отменяются уроки.
В школе дверь сейчас приперта
Толщиной сугробных плит.
Не успела тетка Марья
Снять белье свое с веревки.
Где теперь оно?
Лишь ветер
Знает,
да не говорит.

Третьи сутки злится вьюга.
Третьи сутки стонут сосны.
Замело, как не бывало,
Все дороги и пути.
Под глубокими снегами
Спит село.
Ведь даже взрослым
Ни на ферму, ни в контору,
Ни на почту - не пройти.

* - гора (букв. "гора, с которой срываются камни")

Только вечного на свете
Не бывает.
Не бывает,
Чтоб в домах всегда селились
Темень, холод и тоска...
И однажды смотрят люди:
Сила вьюги убывает.
Даль опять заголубела.
Растворились облака.

Ребятня с рассветом в школу
По сугробам мчится ловко.
В каждой пуговке на форме
Ярко солнышко горит.
Лишь печальна тетка Марья:
Где белье и где веревка?
Знает ветер шалопутный,
Знает,
да не говорит.

* * *

Хорошо, придя из тундры,
Чай покрепче заварить,
После всей дороги трудной
Груз усталости свалить...

Оця в дом вошел.
Молчанье.
Что ж в пустом доме скучать?
Он включил электрочайник
И друзей созвал на чай.

Час прошел -
Не верит Оця:
Это что за срунда?
Холодней морозной ночи
Стынет в чайнике вода.

Оця сел на табуретку
И тотчас же подскочил:
- Я же
 в радиорозетку
Второпях его включил!...

Вот случится же досада.
Удивленный, он глядит:
Не кипит -
 так и не надо.
Но ведь и не говорит!

НОЧЛЕГ В ПУТИ

Долго путь нелегкий длится.
Ночь полярная глуха.
Довелось остановиться
Мне в жилище пастуха.
А за куваксо^{*} - молчанье.
В тундре все объято сном.
"Пурч-пурч-пурч", - лопочет чайник,
Закипая над костром.

Говорит старик:
- В дороге
Чтобы вам не уставать,
Надо дедов знать уроки -
Душу чаем согревать.
Не грузинский,
Не индийский,
В пачках или развесной, -
Здесь нам чага пригодится:
Чай целебный,
Чай лесной.
А пока кипит, прошу я,
Ушку похлебайте вы.
Только самую большую
Кость из щучьей головы
Дайте мне.
Она откроет
Тайну долгого пути:
За какой такой горою
Можно счастье вам найти.
Поглядите: недалеко,
Где-то в ближнем к нам краю.
Пейте чай.
А на дорогу
Я вам сказки пропою...

* - временное жилище из жердей и брезента

О ЧУЗИ - полярном воробье

Солнца красного лучи
Взбудоражили ручьи.
Речка вздыбилась подковой,
Ледяные рвет оковы
И, гудя, с седых высот
Воды мутные несст.

На поляне между кочек
Ожил маленький комочек,
Будто горсточка земли.
Он взлетел.
И вот вдали
Услыхали песню люди:
"Чу-ди, чу-ди, чу-ди, чу-ди..."

Это чузи.
Он один
Тундру тронул до глубин.
И земля, -
Так дивно пел он, -
Забродила соком спелым.
Из полярной мерзлоты
К солнцу вылезли цветы,
Так узоры вышивая,
Словно радуга живая.
На лужайке у реки
Девушки плетут венки...

Будешь с тундрой в союзе -
И услышишь песню чузи.

О ПОБЕДИВШИХ ВЕТЕР

На рыбалку в море вышел Феттер.
А навстречу ветер,

Буйный ветер:
- Коль не хочешь ты найти могилу,
Воротись -
Во мне немало силы.
Захлестну волной,
Замою пеной,
Кто тогда тебе поможет, бедный?..

Отвечал ему смышленный Феттер:
- Ты большой хвастун, однако, ветер.
Ну куда же лезешь ты из кожи?
Спор такой уже бывал, похоже.
Я тебе спою о друге Вульсе.
Помолчи, послушая и не дуйся...

И запел он, повернувшись к морю,
О другом, но очень схожем споре.

Был охотник Вулься очень мудрым,
Ветру так сказал он хмурым утром:
- Ты силен,
Но, чтоб себя так славить,
На воде попробуй след оставить...

Дунул ветер -
Море взволновалось,
И помчались в пене вал за валом.
Но когда утихнул он невольно,
Тем же мигом улеглись и волны.
Ни следа на море,
Хоть ты тресни.
Вот и вся о мудром Вульсе песня...

Как на это рассердился ветер, -
Чудом в лодке удержался Феттер,
Весла взял
И греб, забыв усталость,

Чтоб добычи ветру не досталось,
Греб и греб...

Затем в тиши, как прежде,
У огня сушил свою одежду.

О ПЫТАВШЕМСЯ ЛЕТАТЬ

Кто доверчив, послушай.
История эта
Хоть давно приключилась, но ходит по свету.
Было дичи в лесу - не сочтешь по весне,
Было рыбы в реке - словно игл на сосне.

В те далекие дни
Ни бедно, ни богато
В старой ссохшейся куваксе жили два брата,
И похожи они,
Как крупинки в песке
Или клетки на шахматной пестрой доске.

Как-то раз говорит один:
- Слушай-ка, братка,
Чем питается маленькая куропатка?
Камни, восточки, почки да трав семена, -
А гляди-ка, ведь к небу взлетает она.
Наша пища не скудная -
Мясо оленей,
Рыба красная,
Жир беломорских тюленей.
Силы много у нас, так как вкусно едим.
Почему же и мы никогда не взлетим?..

Брату это сказав,
Он подумал недолго
И залез на высокую пышную елку.

Руки вскинув, как крылья, он прыгнул -
И вот
Средь камней распростертое тело его.

На земле рождены,
Как летать мы могли бы
Или плавать в воде, словно резвые рыбы?

Брат, над телом склонившись, подумал:
"Вовек
Сверху вниз не летают,
А - снизу
и вверх".

* * *

...Песни, сказки.
Ночью хмурой
Вас бы слушать до утра.
Но старик оленье шкуры
Расстелил:
- Уже пора.
Это чага сна лишила,
Солнцем налита она.
Будет сок бродить по жилам,
Будет на сердце весна.
Но поспать хотя б немного
Не мешает никому.
Завтра снова в путь-дорогу.
Я вас рано подниму...

Сплю и вижу,
Как в завязке
Молодого чудо-дня
В куваксу заходят сказки
И садятся у огня.

УТРО

Только робкий лучик солнца
Нам заявит новый день,
Первой бабушка проснется.
Встанет, тихая, как тень.

А внучатам крепко спится.
Пусть сопят часок-другой.
Ходит так, чтоб половицы
Не скрипели под ногой.
В печке чуть трещат поленья.
Кошка нежится в тепле.
Вот и чай.

К нему варенье
Розовеет на столе.

Подымайся, детвора!
Умывайся, детвора!
Одевайся, детвора!
На учебу,
На учебу
Вам давно уже пора...

Чаю выпив на дорогу,
Ждем, когда же дед Изот
Нас до школьного порога
На оленях отвезет?

* * *

Взлетает солнце в голубень
И приземляется под вечер.
Но новый день,
Весенний день
Нам выкатит его навстречу.
И озарится светом вдруг
Все под полярным низким небом.
И сдобным бабушкиным хлебом
Покажется мне солнца круг.

Сияй, светило, с вышины,
Лучи раскидывай пошире.
Как нынче травы зелены!
Как счастлив мир,
Когда он - в мире!
Ни золото, ни серебро
Я к солнцу не возьму в нагрузку.
Не зря мы ценим все добро,
Как сдобный хлеб из печки русской!

* * *

Только светом март наполнит
Голубую чашу дня,
О весне капель напомним,
Дробью частою звеня.

Лед и темный, и щербатый,
Как словая кора.
Рыбакам пешни не надо,
Палкой ткни - уже дыра.

Полыхает небо синью.
Птичий хор многоголос.
Набирают почки силу
На кривых ветвях берез.

День длиннее,
За окошком
Даже полночью светло.
И зовут пути-дорожки
Ребятишек за село.

Шелест листьев на рассвете...
Всплеск ссмужий над волной...
Это ветер,
Теплый ветер
Дирижирует весной.

* * *

Над туманной поволокою,
Как над водами озер,
Солнце огненной лодкою
Выплывает из-за гор.

Твердый наст лучами колется -
Ни проехать, ни пройти.
И в сугробах влага копится,
Чтоб ручьям пробить пути.

Плещет неба синь далекая.
Сосны золотом горят.
Как у шали кисти легкие,
Над окном сосульки в ряд.

Снег сойдет.
Пройдет распутица.
Наведет весна красу.
И душа твоя распустится,
Как подснежники в лесу.

* * *

Весной, как бы зиме на страх,
Чтоб обновить природу,
Сжигают мусор на кострах
В соседних огородах.

Одни костры вовсю трещат,
Другие чуть дымятся.
И ветры их задуть спешат,
Дожди залить стремятся.

И хоть недолго им горсть -
Легко смотрю на это:
Сжигают мусор,
Чтоб и впредь
Была чиста планета.

НА ЗОРЬКЕ

Проснулся день.
Сияет зорька,
Украшив биссером траву.
И бабушка, гремя ведерком,
С коровой возится в хлеву.

Шагают каньги* тропкой звонкой,
Здрав мохнатые носы.
А на носах,
Как у ребенка,
Висит по капельке росы.

Чванливым курам на потсху
Петух орет:
- Кукареку! -
А за рекой кукушка эхом
Ему в ответ:
- Ку-ку, ку-ку...

* - вид обуви из оленьей шкуры

* * *

Наряды мои и скромны и недороги.
Где тут отыскать и фасон, и красу?
Наверное, в них бы стеснялась я в городе,
А здесь-то -

кого мне бояться в лесу?

Как в детстве,
С утра я отправлюсь по ягоды,
Из красной смородины бусы свяжу.
И пусть засверкают они, словно яхонты.
Хоть час -

да по лесу княжной похожу.

В росе охолону затекшие ноги,
Студеной воды из ручья изопью.
А после

таежные добрые боги

Наполнят богатством корзинку мою.

В ШКОЛУ

Отошла пора морошки,
Повстречался с ночью день.
Невод, сети и мережки
Для рыбалки ладит дед.

Завтра снова я усду,
Как обычно в сентябре.
Будет жаль прощаться с дедом
И с рыбалкой на заре.

Старший брат мне скажет:
- Надо
В школу дальнюю спешить.
В Ловозерском интернате
Будет весело вам жить.
Там из тундры, как обычно,
Понаедет детвора.
Не остудят дом кирпичный
Ни морозы, ни встра...

Собираюсь в путь-дорогу.
До свидания, река.
От урока до урока
Перемена коротка.

Я задачи там решаю
И учусь писать стихи.
Но и в школе
Жду я мая,
Жду я дедовской ухи.

РУЧЕЕК

Саяй*,
Ручеек,
Светлая душа.
Ты течешь из-под ног,
Галькою шурша.
Ты бежишь, будто свет,
Что дарят вска.
Ты летишь, когда нет
Даже ветерка.

Я кораблик пущу
Лебедем в струю.
Унесет - погрузу,
А потом спою:
Не устану спешить
К голубой волне,
Лишь бы
 не осушить
Камушки на дне.

* - ручеек (саамск.)

* * *

Первый снег принесла непогода.
Как бумага он бел - хоть пиши.
Но не видно у берега лодок,
И в холодных домах - ни души.

Обезлюдела наша деревня,
Знать, такая настала пора.
В ледяные иголки деревья
Легкий иней украсил с утра.

Резкий ветер сечет, словно плеткой.
Смолкли в рощицах птиц голоса.
Скоро мутной затянутся пленкой
У реки голубые глаза.

Не взволнуют их снежные вихри,
Не встревожит их крик ребятни...
Не беда, что деревня утихла, -
Это только на зимние дни.

Пусть пустынно вокруг, молчаливо, -
За зимою нагрянет весна.
И река забушует в разливах,
И пробудится лес ото сна.

Тишина, будто стеклышко, треснет.
Снова всслами лодки взмахнут.
И ребячьи задорные песни
Всю деревню мою всколыхнут.

* * *

Мерзнет улица моя.
Лед на лужицах крепчаст.
Захоложенный ноябрь,
Точно пьяного, качает.
То ползет щенком слепым,
То летит осатанело,
За собою все следы
Заметая пухом белым.
По натуре незлоблив,
Он командует некруто:
И стволы и ветви ив
Шубой снежною укутал.
Под сугробы травы скрыл,
Чтоб не мерзли долгой ночью.
Словно взмах лебяжьих крыл,
Прошумел

над красем отчим.

Чистит грейдер колесю,
Но ему ль тягаться с вьюгой?
Грест улицу мою
Разве только
ветер с юга.

ЛУНА

Пейве - день - к концу подходит.
Стали сумерки густы.
Наступает зимний холод
На дома и на кусты.
Поднялись сугробов гряды.
Наш автобус в рейс идет.
И луна с окошком рядом
Все бежит - не отстает.
То бледна, как молодица,
То красна, как медный круг,
То желтеет - золотится,
То зеленой станет вдруг.
Похвалиться, верно, хочет,
Что нарядам нет конца.
Так до самой поздней ночи
Перекрашивается.

ЗЕМЛЯ

Земля родная!
Ты всегда красива,
Всегда ты неоглядна и близка,
Омытая дождями, в дымке синей,
Воспетая людьми во все века.
В зеленом платье с оторочкой лисьей,
Всегда в труде - без отдыха и сна...

Рассказывала бабушка Анисья,
Как на оленях ехала она.
Тянулся за упряжкой след керёжный*.
Вдруг громкий голос
Снизу, из-под трав:
- Зачем ты едешь так неосторожно?
Ты сбила шапку мне.
Вернись, поправь...

Глядит - и правда:
Сбитый с камня ягель,
Как бороной, разодран на куски.
Оставишь так - не будет больше ягод.
Вернуться и поправить - пустяки...

Земля!
В цветах, в траве или под снегом, -
Ты дорога нам даже и в горсти.
Любому я скажу:
Будь человеком,
Куда б ни шел -
земле не навреди!

* - керёжа - древние саамские сани (волокуши)

ОТЧИЙ КРАЙ

Край милый, Ловозерье,
Край возрожденья дня,
Каким, признайся, зельем
Ты напоил меня?

Теперь люблю навски,
До роковой черты
Твои леса и реки,
Шумливы и чисты.

От Варзина, где солнце
Свой начинает взлет,
По тундрам и по сопкам
Селенья кто сочтет?

Сосновка, Чальмны-Варрэ, -
Везде, где я была,
Мне песни напевали,
И каждая светла.

В семье, где дочь рождалась,
Как юная весна,
Там дерево сажалось -
Зеленая сосна.

И потому издревне
До нынешней поры
Встречаем у деревни
Сосновые боры.

На севере России,
Где стыло и темно,
Найти леса красивей
Кому еще дано?

Растите, зеленейте,
Печальась в трудный час.
Пусть ходят по планете
Сказания о вас.

Пусть к отчсму покою
Привяжутся сердца,
Как слиты ваши корни
С землсю
До конца.

Ялла /Жизнь/

1990

* * *

Только к ночи сдержали упряжки мы бег
И, озябшие, стали готовить ночлег,
Ставить чум и запаливать в центре костер.
От огня растекаются струйки тепла.
И больная душа будто снова светла
И чиста, как вода ледниковая с гор.

А над нами еще виден дальний огонь.
То звезда нам холодную тянет ладонь,
Но не грест ее запоздалый привет.
А в жилище огонь – человеку тепло.
Да и стал человек человеком с тех пор,
Когда искры из рук его вылили свет.

Тот огонь и в несчастье и в счастье – с людьми,
Он не любит холодной пустующей тьмы,
Как любовь, что живет постоянно со мной...
Милый, если тебе я хоть чуть дорога,
Будь всегда ты огнем моего очага,
А не только далекой звездой ледяной.

СОЛДАТКИ

"И за что же такие напасти?
Сорок лет ни покоя, ни сна.
Потускнело колечко на пальце,
Лишь блестит в волосах седина.
Не погибший с солдатами вместе,
Не схороненный с честью в земле,
Где ж он сгинул,
Пропавший без вести
Сын мой Лазарь семнадцати лет?..."

Изливая тоску в причитаньях
(Нелегко в одиночестве жить),
Снова вывесит бабушка Таня
Одежонку сыновью сушить.
Будто эта ребячья одежда
И сегодня ему по плечу.
Только теплится в сердце надежда
И с годами не меркнет ничуть.

Бабка в дом забежит по соседству,
Где свое коротает житье
Одинокая женщина,
С детства
Полюбившая сына ее.
И пригрезится им:
Он вернется,
Скинет с плеч боевой автомат,
И невесте своей улыбнется,
И обнимет усталую мать...

Стихнет к ночи полярная вьюга.
И луна, разогнавшая мглу,
Вдруг увидит:
Прижавшись друг к другу,
Две солдатки бредут по селу.

* * *

Все на свете имеет
Свой голос и звук,
В обиходе
Названия есть у всего:
Обозначены
Солнце, и тундра, и луг,
Мать, отец, и река,
И земля, и село.
Из глубин вековечных
Пробился родник,
И бормочет родник,
Слово к слову лепя.
Будто жизнь повидавший,
Бывалый старик
Вспоминает сейчас
Молодого себя.
И тихонько пост
Об ушедших веках
И о зорях,
Пылающих там,
Впереди.
Дома ты или в тундре,
Но песнь старика,
Хоть и тихая,
Душу твою бередит.
И зовет она,
В памяти стезю тропя,
В те края,
Где когда-то родился и рос,
Где качала
Рыбацкая лодка тебя,
Где встречало тебя
Белостволье берез...
Шелковистый огонь
Пожирает дрова.

Ты взгрустнешь,
Кочергой угольки шевеля,
И до боли знакомые
Вспомнишь слова:
СОЛНЦЕ, ТУНДРА, РЕКА,
МАТЬ, ОТЕЦ и ЗЕМЛЯ.

ДОМ У РЕКИ

На берегу реки Поноя
Построен дом давным-давно.
Но ни зимою, ни весною
Не светится его окно.
Угрюмый, темный, словно келья.
Не вьется над трубою дым.
Дом пуст и молчалив, как Ксйвы*,
Грядой встающие за ним.
Добротен рубленый на камне,
Он только прошлым и живет.
И так близка его тоска мне,
Родившейся у этих вод.
На петлях дверь повисла косо,
К крыльцу придвинулись леса.
И только в пору сенокоса
Здесь раздаются голоса.
Живет совхозная бригада
Неделю или десять дней.
И каждое бревешко радо
Тому, что видит вновь людей.
Народ рабочий веселится.
На кухне ужин раздают.
И в старых сенцах половицы
Не то чтобы скрипят - поют...

Но осенью, сырой и вздорной,
Из дома выветрит тепло.
Последней лодкою моторной
Уедут все в свое село.
И дом окутает молчанье.
Развест над трубой дымок.
Лишь долго-долго будет чайник
Хранить остывший кипяток...

* - горная гряда вдоль Поноя

Коль на ночевку захотите,
Туристы или рыбаки,
Вы не стесняйтесь,
Заходите -
На доме не висят замки.
Пусть каждый как хозяин будет.
Готовьте на печи обед.
Ведь сердце дома - это люди.
Их нет -
И, значит, жизни нет.

БОКОГРЕЙ

Солнца луч - как поводок упряжки,
Два луча - следы оленьих нарт.
Рассиялся золоченой пряжкой
Бокогрей -

весенний месяц март.
Потому, теплом родных согреты,
Как-то по-особому тихи,
Месяца на три еще

до лета
В тундру усзжают пастухи.

Ласково им машут струйки дыма.
Пуночки порхают в небесах.
Отчего ж у Фединой любимой
Искорки слезинок на глазах?

Долго женам встречи ждать желанной.
Пастухов всю жизнь влекут пути.
У груди седого океана
Им стада колхозные пасти.
Жить в заботах радостных и трудных,
Счастье знать,
знакомиться с бедой
И к любимым из полярной тундры
Возвращаться с талою водой.

* * *

Над весенней тундрой гуси кличут.
Торф от снега талого намок.
Маленький олешек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.

У него пока и силы мало,
Он на ножках тоненьких дрожит.
Ласковая бдительная мама
Слабого дитятю сторожит.
Теплым боком от ветров прикроет,
Шерстку пооближет языком,
Ягель на проталинке отрост
Иль напоит вкусным молоком.

Есть чему дивиться олененку:
Вешний мир прекрасен и не лют.
На земле ручьи клокочут звонко.
В гулком небе пуночки поют.

Соком наливается брусника.
Солнце свет на тундру щедро льет.
Очень скоро мама-олениха
Пополненье в стадо приведет.

ПОНОЙ

Протянулась Кольским краем
Далеко-далёко,
Как попутчица людская,
Олмэ-вардэм-ёгкын*.

То бурлит среди утесов,
Как орлиный клёкот,
То замрет в спокойных плёсах
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Наклонились над порогом
Пихты, сосны, ёлки.
Правит к морю путь-дорогу
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Освещает над деревней,
Будто свет из окон,
Новой жизни след и древней
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Чальмны-Варрэ**,
Мыс старинный,
Как лесное око,
Смотрит в синюю равнину
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Сохранил до нас веками
Мудрости истоки
Предок, выбивший на камне
Олмэ-вардэм-ёгкын.

* - букв. река - путеводительница людей

** - название старого села (букв. "Глаза леса")

Взять враги ее пытались,
Хищные, как волки, -
Кровью врагов питалась
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Бури эти увлекало
Времени потоком.
И опять чиста, зеркальна
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Пепелища зарастают
Трын-травой жестокой.
Волны к морю катит стая
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Всем дано взлетать и падать,
Петь иль плакать долго.
Но останется, как память,
Олмэ-вардэм-ёгкын.

* * *

Загостился сентябрь,
Загулял по лесам и болотам.
Рдеют гроздья брусники
Средь белых застуженных мхов.
Скоро глади озер
Ледяные укроют полотна,
Окуневые стаи
Упрятав от глаз рыбаков.

Желтый ветер шуршит
Облетевшей листвой, как соломой.
И от шумных порогов
Прохладою веет в лицо.
Дед и бабка сажают
В честь внучки
Сосёнку у дома:
- Приживется.
Смотри
И запомни свое деревцо...

А село над Поноем
В бору утонуло сосновом.
Зеленеют вершины,
Кто знает, уж сколько веков.
Средь посаженных предками
Старых деревьев и новых
Как найти мне деревья
Моих дорогих стариков?

Я запомню свое.
Вон какие пушистые ветки.
Пусть с зарею в них птицы
Щебечут на все голоса.
Я ведь тоже хочу,
Чтобы в нашем неласковом веке
В честь людей
на планете
Всегда зеленели леса.

ЭХО

Гористый лес становится пустым.
Прохладно от промозглой непогоды.
Как долго будет длиться эта стынь?
И эхо отвечает:
- Годы... годы...

О зелени деревьям снятся сны.
Напрасно ищешь ягоды, грибы ли.
Ведь по приметам быть они должны.
И эхо подтверждает:
- Были... были...

Давно кукушка отсчитала дни
За тучи закатившемся лету.
Тепло и солнце - где теперь они?
И лишь хохочет эхо:
- Где-то... где-то...

Уймись ты, пересмешник-пустобрёх.
Тебе ли знать, над нами балагурия,
Чем этот вечер так хорош и плох?
А эхо отвечает:
- Буря... буря...

Да что ты, эхо,
Знаю я сама,
Зачем дожди линуют неба просинь.
Ведь у порога топчется зима,
А ей жилья не уступает осень.

* * *

Пятьдесят.
Уже полвека.
Как подумаю - беда.
Что осталось человеку? -
Было,
 было,
 было,
Да...

На работе не ленилась,
Весела и не горда,
От людей не хоронилась, -
Было,
 было,
 было,
Да.

В очаге огонь держала,
Чтоб еда была всегда.
Скот пасла,
Детей рожала, -
Было,
 было,
 было,
Да.

Взять ружье и встать на лыжи -
Все могла я без труда.
Ты со мной казался выше, -
Было,
 было,
 было,
Да.

А из стада возвращаясь,
Лишь ко мне спешил всегда,
Дом наш взглядом освещая...
Было,
 было,
 было,
Да.

Как дожди, отморосили
И пропали без следа
Наша юность,
Наша сила.
Было,
 было,
 было,
Да.

Нет! - рыданье не годится.
Пусть все прошлое - былое.
И под старость мне гордиться:
Все, что было, -
 все мое!

БЕРЕЗА

На пожне,
На краю покоса,
Седая,
 древняя, как миф,
Растет двустволая береза,
Вершины к небу устремив.

Чтоб песни петь под небесами,
Народ обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам
 к березе той.

Она вствями чуть поникнет, -
В подарки встви облесут.
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка принесет лоскут.

Сливаясь звонким хороводом,
Как будто воды в ручейке,
Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.
Поют легко,
Поют спокойно.
У них в любые времена,
Как у березы этой корни,
Земля-кормилица
 одна!

* * *

Снег лежит сугробом пышным
Легкий, мягкий, словно пыжик.
Солнце яркое с небес
Озаряет зимний лес.
Нет ни облачка над домом.
Небо кажется бездонным.
Тропку к лесу протопчу,
Постою и помолчу.

Снегиря увижу рядом.
Ты куда такой нарядный?
Протрещи своей сестре,
Словно вереск на костре.
Рад ли солнцу, рад ли снегу,
Рад безоблачному небу?
Иль, дыханье затая,
Ждешь свидания, как я?

ТЕТЯ НАСТЯ

Пою... Глаза слезами застит.
Пою... Слова ищу точней...
Ах, тетя Настя,
Тетя Настя!
Ты знала много трудных дней.
Жила в квартире коммунальной,
Где лампа не светлей окна.
Но как ложился твой орнамент
На коврик красного сукна.
Ты швы вела предельно четко,
Будь это малица ль, пимы.
Неискушенные девчонки,
Тебе завидовали мы.
И ты учила нас,
Учила,
Где бисер вывести, где шелк.
И все-таки не в нас причина,
Что твой последний час пришел.
И лампа за окном погасла.
Игла застыла в ровном шве...
Но главное твое богатство
Осталось в нашем мастерстве.
И потому ты всё живая.
Пусть над могилой сквозь года
Горит твоя сторожевая
Пятилучевая звезда.

РАЗЛУКА

В 8 часов отправляется поезд.
Ты уже выправил в кассе билет.
Вот и прочитана скучная повесть,
Что сочиняли мы несколько лет.
Куришь...

Бросашь и тянешь другую,
Хоть и нельзя тебе много курить.
Ну, неужели в минуту такую
Нам не найдется о чем говорить?
Подан состав.

Ты стремишься к вагону.

8 часов не пробило еще.

Стой, погоди!

Рядом - сын,

твой ребенок

Молча слезу вытирает со щек.

Ну, оглянись,

попрощайся с мальчишкой

И хоть словечком его обнадежь.

Пусть он поверит, как в сказочной книжке
В эту прекрасную добрую ложь.

Рвется гудок над сторонкой лесною.

8... Как два обручальных кольца...

Рельсы уходят железной лыжней,

Долгой, холодной...

И нет ей конца.

СЫНУ

По ровной дороге иль зыбкой тропе
Уйду я в пространство немое.
Мой сын, не забудь:
Остается тебе
Отечество наше родное.

Пусть будет пурга, круговерть, вострой -
Не бойся стихии холодной.
Полярной звездой
Над твоей буровой
Зажжется огонь путеводный.

По доброму взгляду и крепкой руке
Узнаешь ты кровного брата,
И с ним простоишь в ночном далеке
И вахту, и две - если надо.
Потом вы поделите хлеб на столе
И койку, как это бывает...

Я знаю:
Ты твердо стоишь на земле,
И это меня согревает.

ТЫРГАН

Когда утихнет в январе пурга,
Начнут дымки над крышами струиться,
Мы запускали к облакам тырган -
Фанерную трепещущую птицу.

Летел кружок стремительно, легко,
Как жаворонок, небо рассекая.
И свист его был слышен далеко,
Как будто бы из лета возникая.

За ним бросались мы вперегонки,
Как за живым, мелькавшим сквозь деревья.
А он парил над поймою реки,
Над снегом занесенною деревней.

Его полет всегда неповторим.
И до сих пор, лишь стоит приглядеться.
Среди житейских осеней и зим
Тырган,

тырган

летит ко мне из детства.

НОВЫЙ ГОД

Месяц большой темноты
И окончание года
Вместе устроила ты,
Умная фея - Природа.
Кто бы собрался скорей
Нашей деревне на помощь
Ведрами всех фонарей
Вычерпать долгую полночь?..

К деду не ластится сон,
И не смыкаются веки.
Бродит по комнате он
В валенках и в душегрейке.
Бродит, вздыхает один.
Время так тянется долго.
"Может, до клуба дойти?"
Там новогодняя елка..."

Пусть он с годами ослаб,
Хочет взглянуть, как на танцах
В свете неоновых ламп
Внуки его веселятся.
Но понимает старик:
Хоть этот путь и не страшен,
Темнень ночная стоит
Зорким недремлющим стражем.
Лягут морщинки у рта.
Только вздохнуть и осталось...

Эх, темнота, темнота!
Зимняя добрая старость.

ВОЕННЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Матери Клавдии Григорьевне

Уезжает Клавдия.
У дома - упряжка.
Двести верст по сугробам
Протянется след.
Тут бывалым мужчинам
И то будет тяжело.
Ну, а женщине?..
Впрочем,
Мужчин-то и нет.

Уезжает Клавдия...
В далеком райцентре
У почтамта людей собралось -
Не пройти.
Письма с фронта
Становятся грузом бесценным.
А придут похоронки?
Их тоже везти...

Уезжает Клавдия,
Как прежде бывало.
За года
В ремесле пообвыкла своем:
Не сбиваться в пургу
На крутых перевалах
И, волков не боясь,
Спать в обнимку с ружьем.

Уезжает Клавдия.
И надо прощаться.
Беспокойно
Олени рогами стучат.

У крыльца
Трос деток се суетятся,
И ручонками машут,
И громко кричат.

Мать-старуха корит.
- Тронешь в путь,
Примечаю,
Хоть бы раз обернулась -
Ведь дети твои...
А Клавдия
Лишь только вздыхает печально:
- Не хочу,
Чтобы видели
Слезы мои.

Осень поздняя.
Ржавчина гложет
Ветви ив и берез у реки.
Но сегодня мне верится все же:
Наверстает и лето деньки.
Бабье лето...
Туманом повита
Деревенька лесная моя.
Не хочу вспоминать я обиды,
Не хочу одиночества я.
Ну и пусть это горькая осень, -
Свет над лесом еще не угас.
И на поле проклюнется озимь,
Словно поздние внуки у нас.
Мое шаткое счастье,
скорее
Непокоем меня одари,
От которого сердце добреет
И душа - как полоска зари.

* * *

Живешь -

как будто бы чадишь

Свечным захвачанным огарком.

А ветер дунул и -

глядишь, -

Вновь пламя встрепенулось ярко.

И свет стал виден далеко...

И выходя наутро к людям,

Ты сам свободно и легко

Вдохнешь расправившейся грудью.

ОБЛАКА

Сяду в кресло я,
И двигатель взревст.
Словно птица, взмост к небу самолет.
Проблеснут его покатые бока,
И останутся под нами облака.

Облака - как в море пенные валы,
Облака - как первый снег, они белы.
Облака - как птичий пух, они легки,
Вечно рядышком и вечно далеки.

Кудловаты, словно вата, облака.
Теребит их ветра жесткая рука.
А над ними только солнца вечный свет.
Но не тают облака,
Не тают, нет.

В облаках порой мне чудятся деды.
Их всклокоченные бороды седы.
Наши предки, что до нас еще века
Жизнь прожили и ушли.
Как облака.

ОДУВАНЧИК

Он раскроется весной,
Как головка солнца,
Рыжий-рыжий,
Такой, что захватит дух.
Но лишь летнее тепло
По лучам прольется,
Полетит на траву
Белый-белый пух.
Наклонюсь я над цветком,
В мыслях погадаю,
Выдох свой отдам ему,
Как последний стон.
Пусть рассыплет семена
По родному краю.
Очень холодно у нас,
Это знает он.
В зимы злобствует мороз
И метели плачут.
Вот уже и в волосах
Седины полно...

Дед зовет свою старуху:
"Божий одуванчик", -
И поверьте,
Никому
Это не смешно.

* * *

На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Мое родное Заполярье
Не променяю в жизни я.

Пусть там прекраснее живется,
Теплей вода и ветерок.
Что мне на свете останется?
Семь расставаний,
Семь дорог,
Семь бесконечных дней недели,
Семь дуг, повисших над рекой,
Семь звезд Медведицы на небе,
Семь гор над северной тайгой.

Все это память днем и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу,
Пока живу...

ДОРОГА

Опять дорога вдаль уходит,
Опять в простор далекый манит
И тает в ясном небосводе,
И гложет в темной глухомани.

Так, очарован тишиною,
И мой отец смотрел когда-то,
Пока с котомкой за спиною
Сам не потопал в путь
солдатом.

Потом и я
его глазами
Смотрела вдаль, за бурсломы,
Того не зная, что с годами
Мой сын
уйдет по ней из дому.

Уходим все -
С бедой, с печалью,
Прощаясь с отчими местами...

Дорога может слиться с далью,
Но даль дорогою
не станет.

В КРЫМУ

Ветерка дыханье резкое.
Склоны скальные круты,
Как отроги Ловозерские
Иль Хибинские хребты.

Солнце щурится по-зимнему.
Листья зелень берегут.
И по морюшку по синему
Волны пенные бегут.

Надышатся б надо досыта
Этим воздухом морским
И увидеть ночью -
звезды-то

Словно сбиты в островки.
И туманы поднимаются,
Гор преображая вид...

А душа чего-то мается
И по родине болит.

Тайна Бабьего озера

1995

Саамская легенда

Чем была бы земля
Без зеленых лесов островерхих?
Чем была бы земля
Без раздольных озер голубых?
Потому навсегда
Сохранится в любом человеке
Уваженье к земле,
Как к кормилице предков своих.

Есть богатство в лесах -
Это ягоды, птицы и звери.
Сколько рыбы в озерах и реках -
Поди сосчитай.
Много люди хранят
О природе
 чудесных поверий.
И природе
 о людях
Известно достаточно тайн.

* * *

Пролистаем, как книгу
Назад
 за страницей страницу
Жизнь таежной земли,
И озер,
 и болотистых тундр
И уйдем
 в край такой красоты,
Что во сне не приснится,
Край оленных людей -
Молчаливых суровых натур.

Там такие леса:
Вверх посмотришь -
 и шапка на землю,

В белый ягель запустишь ладонь -
Не отыщешь корней...

Берег дикого озера
Густо усеяла зелень,
Только крупные капли морошки,
Как солнышки, в ней.
И на том берегу
На бревёшке, обдутом ветрами,
Две красивые женщины,
Тихо вздыхая с тоски,
Ждут, когда же вернутся
Мужья их, ушедшие ранью, -
Два саама,
 два брата,
Охотники и рыбаки.

Вечереет над лесом.
Ни Педэра нет, ни Юввана.
Берестяные зыбки
У женщин стоят за спиной.
И ведут разговор молодые -
Мария и Аннэ,
Как тревожно и чутко
Им спится порою ночной.

Дел дневных было множество:
Насобирали брусники,
Наловили сига,
Накормили детей и себя...
Вот и солнце полночное
Чуть к горизонту поникло
И глядит,
 как две женщины
Все на бревёшке сидят.

* * *

А за озером кротким,
За лесом, застывшим и чутким,
Жили люди,

которым

Утсхой была лишь война.
Нападали огромной толпой
Кровожадные чудтлэ*
На соседей-саамов,
На малые их племена.
Убивали мужчин
И дотла разоряли селенья,
И топили детей, как щенков,
И бесчестили жен,
И в чужие края
Угоняли саамских олсней,
И молоденьких девушек
Вслед уводили в полон.

И сейчас эти чудтлэ
Тихонько ползли по болотам,
Пробирались лесами,
Скрываясь за каждым кустом.
Будто знали они,
Что мужчины ушли на охоту
И остались одни
Две красавицы в чуме пустом.

Но не спали красавицы,
Лишь задремали немного,
Слыша, как в костерке
Робко корчились сучья в огне.

* - чужеземцы (саамс.)

Не сама ли земля
Подсказала им сердцем тревогу? -
Вдруг вскочили они,
Озираясь в глухой тишине.

Дрожью в спелой листве
Прокатился вдоль озера ужас.
Воздух вмиг загустел,
Стал таким, что хоть пряжу пряди.
Марья сжала в ладонях
Копье непришедшего мужа,
Анна бросилась в гору,
Детей прижимая к груди...

На высокой скале,
Обрывавшейся в озеро круто,
Две сосны поднимались,
Как сестры, густы и стройны.
Молчаливые стражи,
Зеленые факелы будто,
Далеко-далеко
Из-за озера были видны.

А внизу
 у подножья -
Откуда такие берутся? -
Бесновались враги:
Всё им надо пожечь и сломать.
Что им Марьи копье?
Разве с женщиной долго дерутся? -
Повалили,
 связали
И начали пировать.

Есть у братьев богатств -
Жемчуга, и одежды, и пимы,
Есть и рыба, и мясо -
Дары благодатной земли.

Всё разграбили чудтлэ,
А после обильного пира,
Надругавшись над Марьюшкой,
Спать у костра залегли...

* * *

А на скальной вершине,
С трудом убаюкав детишек,
Аннэ сосны рубила,
Чтоб поняли братья:
беда.

Затрещали деревья -
Хотя и старалась потише,
Загремели каменья,
И громко всплеснула вода.
И вскочили разбойники:
"Птица вторая осталась!" -
И полезли на гору,
Рискуя сорваться с камней.
А вершина
 блестела на солнце,
Как лысиной старец,
И сосны ни одной уже
Не зеленело на ней.

Поднялась из-за озера
Голая эта вершина.
Далеко-далеко
Заприметили братья ее.
Почему облысела она?
Что в их доме свершилось?
Почему над горою
Кружит и кружит воронье?

**И решили они:
Возвращаться им к женам и к детям.**

Собрались,
 заспешили
По тундрам, болотам, лесам.
Им немного бы раньше
Сигнал заприметить -
 да где там!
Необъятны просторы -
Подстать голубым небесам.

* * *

Чудтлэ лезут упрямо на гору,
Все ближе и ближе.
Вот уж им до вершины
Осталось десяток шагов.
Аннэ встала на край,
Прижимая к груди ребятишек.
Лучше вниз
 со скалы,
Чем добычею стать для врагов.
Наклонилась она.
И по озеру рябь пробесжала.
И заплакали дети
На женских усталых руках.
А высоко на небе
Печальное солнце дрожало
И, не в силах помочь ей,
Топило тоску в облаках.

Пошатнулась земля.
В тот же миг
 стали каменной глыбой
Аннэ,
 двое детей
У обрыва на самом краю.
В страхе чудтлэ смотрели -
Ни смеха уже, ни улыбок, -

И ветра разгулялись.
И вздыбились грозно валы.
Где уж лодкам тягаться
С такой необузданной силой, -
Раскидало,
 опружило
И поглотило средь мглы...

Улеглась непогода.
Прошли штормовые заряды.
Полуночное солнце
В свои заступило права.
На озерном безбрежьи
Взошли каменистые гряды -
Несуютные
 голые
Мертвые острова.

Но один был зеленым,
В цветах иван-чая, ромашек.
Лес прохладой притягивал
В дикой своей красоте.
Лишь березы шептали
Печальное
 "Марьюшка, Маша..."
И тяжелые ветви
Клонили к студеной воде.

* * *

Поздно братья вернулись,
Хотя что есть мочи спешили.
Нет на кинтище* больше
Ни жен, ни жилья, ни добра.

* - место постоянного селения

Тишина и забвенье...
И только на голой вершине
Изваянье из камня, -
А сосны шумели вчера.

Что у камня спросить?
Камень даже заплакать не в силе.
Прижимаются к Анне
Лишенные счастья сыны.
Смотрит женщина молча
На юго-восток,
на Россию,
Словно ждет
избавленья и помощи
С той стороны.
Словно знает:
когда-нибудь
К жизни откроются двери.
Будет солнце сиять над землей,
И рассеется мгла...

Много люди хранят
О природе
прекрасных поверий,
И природа
о людях
Достаточно тайн сберегла.

Поле жизни

1995

* * *

Сорок лет, как минула война.

Сорок лет...

Но помнится она.

Сорок лет...

Но чахлые кусты

Вздрагивают:

сумерки густы.

Что там будет?

Дождик или град?

Как суставы рук моих болят...

Сорок лет...

И вновь из толчи

Жутких дней,

бурлящих, как ручьи,

Вспоминаю, матушка твердит:

"К непогоде, знать, в костях свербит".

Только

Непогоды ль тут вина?

Я-то знаю:

Это все война.

Сорок лет...

Немалые года.

Как болят суставы рук,

когда

Дождь иль град -

как пули по стене...

Все стерплю,

но только б - не к войне.

* * *

Не забыть поры военной,
Те печальные года.
Мужики -
Народ оленный -
Все на фронт ушли тогда.

Рассказать бы мне стихами,
Как в сумятице тех дней
Стали девки пастухами,
Заменив собой
Парней...

Тяжелы оленьи тропы.
И когда весна придет?
По распадкам,
По сугробам
Стадо медленно бредет.

Аня Юрьева, бывало,
В чуме вскинется чуть свет:
"Шерсти много,
Денег мало,
Женихов и вовсе нет..."

А в селе, где лишь старухи
Все грустят по сыновьям,
Умерла от голодухи
Мама Анина -
Тадьян.

Всех сироток бабы бедной
Поднимали нелегко.
До зари,
Зари победной
Ох как было далеко!

* * *

Он очень не любил зеркал,
Дразнилки - так прозвал их с детства.
Поздней -

жену свою ругал:
Зачем пред зеркалом вертеться?
Кто смотрит на тебя в лесу?..

Уйдет с ружьем, не зная лени,
Подстрелит лося иль лису,
Загонит дикого оленя.

Но стало с возрастом ему
Ходить труднее на охоту.
Все чаще он сидел в дому,
И все же находил работу.
Он ладил нарты.
По бревну
Весь день стучал топорик глухо.

Но как-то попросил жену:
- Подай-ко зеркальце, старуха.
Хочу взглянуть,
каким в гробу
Меня народ лесной запомнит...

Почмокал, выпятив губу,
А к ночи лег в постель
И помер.

Жена на кладбище свезла,
В дому прибрала, как умела,
Потом на стены поглядела
И снимала зеркала.

КЛЮЧ

В колодце стала пропадать вода.
Все чаще ведра поднимаю с илом.
Я даже не заметила,

когда

Струю на дне колодца замутило?

Куда же подевалась голубень?
Куда девалась звонкая прохлада?
Мне подобрать бы подходящий день,
Родник на дне омолодить бы надо.

Я вычерпаю грязь,
Налажу сруб
И роднику в песке подправлю ложе,
Чтобы могла вода касаться губ
Моих односельчан и всех прохожих.

И отразятся звезды в глубине,
И голубень воды вскипит от бег.
И будет ключ, бушующий на дне,
Ключом волшебным

к сердцу человека.

РИСУНКИ НА КАМНЕ

Серый и тяжелый, словно туча,
Камень наклонился над рекой.
Хмурясь у волны с певичей,
Он хранил безмолвье и покой.
В грусти, что накоплена всками,
Думу передумав не одну,
Серый камень,
Мхом заросший камень
Все глядел в речную глубину.

А река звенела и журчала,
Впитывая талые снега,
И тепло и радость излучала
На леса,
 болота
 и луга.

Светлая, как ясный день весной,
Не чинила никому обид.
И однажды трепетной волною
Камень был обласкан и обмыт.

И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от вскового сна.
И, на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя.
А олень летел, что было сил.
И шаман усталый
 на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...

Давней жизни строгие творенья
Сохранили в камне времена.
И река притихла на мгновенье,
Этим волшебством поражена.
И застыли на граните сосны.
И с высот бездонно голубых
Загляделось

нынешнее солнце
На рисунки пращуров моих.

* * *

Как закрою глаза - вся вселенная
Будто сгинет в тумане сыром.
А открою - увижу селение,
Деда, снасти, котел над костром.

Закипает ушница янтарная,
Каплет пена с шипеньем глухим.
И вдыхает земля благодарная
Запах кутта* и свежей ухи.

И, случается, к свету слепящему
Залетит невзначай стрекоза
И, кружась над ухой кипящей,
Удивленно таращит глаза.

* - национальное рыбное блюдо (саам.)

* * *

В края далекис уседу
От злых ветров и холодин,
Там распустило бабье лето
Нить серебристых паутин.

Где тополя в окно стучатся,
Где липы выше крыш стоят,
В семейных горестях и счастье
Живет кровинушка моя...

Но грустно в этом доме станет,
Когда из северных широт
Холодный ветер вдруг потянет,
Знакомый запах донесет.

И сердце так забьется тяжело,
И в путь захочется скорей.
И будет грезиться упряжка -
Олени,
 нарты
 и хорей.

* * *

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обонгла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу - света и тепла...

А. Твардовский. "За далью - даль"

Как помню я себя -

с тех пор

Живу средь праздников и буден.
Полвека светит мой костер,
Даря тепло хорошим людям.

Как ночь глухая ни мертва,
Но ранним утром, будто грезы,
Блестят на окнах кружева -
Творенье мастера-мороза.

В них ветви сосен и берез,
То тундры белые, то горы.
И каждый год хитрец-мороз
Сплетает новые узоры.
Не повторится никогда.
Что было - уж не будет снова...

Но отступают холода
Под натиском тепла шального.
Глазки проталинок черны.
Над домом пуночки летают.
И от дыхания весны
Узоры с окон пропадают.

Совсем не зря гласит молва,
Что в нашей жизни быстротечной
Людской работы кружева
Намного зимних долговечней.

Их руки нежные плетут.
И в днях, бегущих чередою,
Они творцов переживут,
Поскольку сделаны с душою...

Вот потому
В пургу ль, в тиши
Средь гор крутых и тундр убогих
Свести,
 костер моей души,
Всем, кто находится в дороге.

* * *

Чем ты притягиваешь, родина,
Чем ты влечешь, секрет открой:
Не той ли ровною болотиной?
Не этой ли крутой горой?

Сковало воды гулкой стужей,
Куда ни глянь - белым-бело.
Но этот лед - затем и нужен он,
Чтоб было озеру тепло.

За все заплачено сторицею.
Прочувствуй, сын мой, и скажи:
Не здесь ли Западною Лицею
Легли и наши рубежи?

Куда б ни привели скитания,
Тебе навек принадлежит
Земля под северным сиянием,
Где прах отцов твоих лежит.

ЗАПАДНАЯ ЛИЦА

Меж сопок северных струится
Речушка Западная Лица,
То камни лижет, то пески.
Всегда шумлива, словно ветер.
Но для меня на целом свете
Дороже этой нет реки.

Перелетая через Лицу,
Веселые
Смолкают птицы.
Здесь миром правит тишина.
И лишь трепещущей листвою
Березки шепчут меж собою
О том, что кончилась война.

Хотя здесь бой гремел жестокий
И крови вылились потоки, -
Чиста холодная струя.
Журчит, проделав путь неблизкий.
Но обелиски,
Обелиски
По берегам ее стоят.

И ветеран, пришедший к Лице,
Чтоб павшим братьям поклониться,
Молчит, лицом темней, чем ночь.
И говорит внучок печально:
- Как жаль, что в том сражении дальнем
Я не успел тебе помочь...

* * *

Как упрямо река
Пробивает по тундре дорогу
Среди ржавых болот
И скалистых застуженных гор.
Отдыхая на плесах
И вновь закипая в порогах,
К морю рвется она,
В голубой
Бесконечный простор...

Человек,
Современник,
Ты тоже стремишься к народу,
Ты впадаешь в него,
Так, как в море впадает река.
Только лишь у народа
Богатства бескрайни, как воды,
И, наверно, поэтому
Щедрость его велика...

Море дышит легко,
Круто волны вздымаются к небу.
Но - не дай бог! - погода
Попробует тучи сгустить:
Сколько в шторме морском
Возмущения, злости и гнева...

Я прошу вас,
Не надо, пожалуйста,
Море мутить!

СЕНОКОС

Как солнце на небе смеется,
Народ на улицу маня!
Хорошим людям
Дарит солнце
Всю радость трудового дня.

Над тундрою
На лысых сопках,
Где снег давным-давно сошел,
Висит,
Косынкой нежной соткан,
Голубоватый легкий шелк.

Не от дождя в лугах сырая
Трава пахучая -
От рос.
Идет по ссверному краю
Вершина лета -
Сенокос.

И гул и звон в косцовом стане.
Рядки ложатся у реки.
А где косилка не достанет,
Вручную скосят старики.

На удивленье нынче травы -
И высоки, и зелены.
Какой скотине не по нраву
Такое сено среди зимы?

На пожнях от народа тесно.
Кто косит, кто гребет, кто жнет.
Зароды пухнут, словно тесто.
На яме трактор силос мнет.

А солнце щурится степенно:
Еще не скоро до зари.
А ну, давайте,
Федя, Лена!
Не отставайте, косари!

Машины, люди, -
Все в движении...
Не стой у пожни на краю.
Идет великое сражение,
И лодырь здесь -
Как трус в бою.

ТРОПА

Трав метелки над тропой.
Мир наполнен вешней новью.
Зверь идет на водопой,
Птица тянется к гнездовью.

На версвочке рски
Узелки спокойных заводей.
Как от утра ни беги -
Одурманит запах завязей.

Я пройду тропой лесной
Средь метелок трав пахучих.
Гулкость тишины земной
Ветер носит, словно тучи.

Только прошлого
тропа
Не вернет, как и трава
Век с корнями не расстанется.
Пропадет - и не мани.
Так вот в считанные дни
Темя детское срастается.

ЛЕСНИК

Перелески, ламбины, озера,
Горы, и ущелья, и река, -
Это все владение Егора,
Доброго соседа-лесника.

Ищут ягель дикие олени.
Лось шагами меряет леса.
Бродит ночью около селенья
Маленькая хищница - лиса.

Все Егор содержит на учете,
Коль такая власть ему дана:
Птицу в тундре или на болоте,
Рыбу в плесах или падунах.

К лету солнце вскинется высоко.
Возликует светлая душа,
Как созреют ягоды по сопкам
И грибы попрут, как на дрожжах.

А когда измается за день он,
Выйдет посидеть на бережок...
Бережет Егор свои владенья,
Для всего народа бережет.

* * *

Дятел слку долбил:
Тук да тук, тук да тук.
Красноватая шапочка,
Клюв-долото.
А болото
Тянулось почти на версту,
Все в морошке,
Как будто ковер золотой.

Я, девчонка,
Спешила сюда сквозь лесок,
Через Курью протоку
По жердочке шла,
Чтобы солнечных ягод
Набрать туссок
И хранить их зимой,
Как крупницы тепла...

Вспоминать об ушедшем
Приятней добром,
И легко на душе,
И светлос в глазах.

Снова лето.
Болото, как прежде, ковром.
И морошки на нем,
Словно звезд в небесах.
Собирай -
Ведь какая награда к столу.

Но стою я,
И зябко мне даже в пальто:
Тот же дятел, как прежде,
Стучит по стволу.
Красноватая шапочка,
Клюв-долото...

ВРЕМЕНА ГОДА

Первая радость моя - наступленье весны,
Из-под сугробов - веселые талые воды.
Лес, пробудившийся от канонад ледохода.
Солнце высокое.
Небо и дали ясны...

Радость вторая - неяркий морошковый цвет,
Робкие листья короткого блеклого лета.
В тундре полярной - разливы бескрайнего света.
Всплески в озерах -
Утехи рыбацких примет...

Третья же радость - пора пожинанья плодов,
Чтоб закрома в каждом доме наполнились на год.
Есть на болотах места вызревания ягод,
А по лесам -
Заповедные кущи грибов...

Радость четвертая - снежные склоны горы,
Черное небо в больших ослепительных звездах.
Будто уходит земля на заслуженный отдых,
Теплою шубою
Недра укрыв до поры...

Только ко мне не приходит покой никогда.
Я лишь тогда обрету состоянье покоя,
Если однажды узнаю, поверю в такое:
Людам нужна я
Во всякие дни и года.

ПОРА ДОЖДЯ

Над селом, ветрам открытым,
В небе молния сердито
Расписалась, как пером.
А за нею грянул гром.

И озоном вдруг запахло.
И тяжелый, как металл,
Над вершинами Алпахьке
Грозный бас зарокотал.

Будто великан из детства,
Брови черные сведя,
Встрепенулся, огляделся
И сказал:
"Пора дождя..."

И полил он, многоструйный,
Легкий, дышащий теплом,
Над изжаждавшейся тундрой,
Над иссохшимся селом.

Как приятель безмятежный,
Словно что-то понимал,
Дождь и ласково и нежно
Нас с тобою обнимал.

* * *

Дни быстрее и быстрее летят.
И дитя незаметно растёт.
Говорят ему:

- Та-а-тадт.

Это значит - иди вперед.

Пусть пока что недалеко,
Ручки вытяни и - скорей!
Всем дается он нелегко -
Самый первый шаг до дверей.

В ЛЕСУ

Летняя медовая пора.
Мох украсил землю, словно шелком.
Люди в лес торопятся с утра
Кто с большим ведром,
а кто с кошелкой.

На зубах морошины хрустят,
"Чор" да "чор", -
не веришь, так попробуй.
Средь березок-карликов стоят
Не грибы, а прямо небоскребы.

И не могут ни туман, ни хмарь
Спрятать ярких шляпок откровенье.
"По грибы"
выходят, как и встарь,
Не одни лишь люди -
и олени.

Будто спотыкаясь на бегу,
Тычут морды в мох, грибное чуж.
Звонкое -
Ку-ку, ку-ку, ку-ку -
Над равниной светлою кочует.

Это птица, что гнезда не вьет,
Словно заведенная, без лени
Счет ведет, как строгий счетовод,
Но кого -
Людей? грибов? оленей?

* * *

Непогода злится.
Дождь с полудня льет.
Ветер треплет листья
И деревья гнет.

Но всегда в прическе,
Статны и строги,
Ивы и березки
У Поной-реки.

Так живут в совете.
Хоть и их в налет
Целовал Сай-ветер^{*}
Возле светлых вод.

^{*} - теплый, южный

* * *

Велика
Поной-река,
Где мелка,
Где глубока,
Где замрет
Среди болота,
Где о камни
Трет бока.

А янтарная вода
Вся сверкает, как слюда.
Лодка проплывет водою -
Не останется следа.

Дни по-лестному долги.
На течении реки
"Шлеп" да "шлеп" -
Играет рыба,
И расходятся круги.

Чайке сверху все видать,
Ринется в речную гладь,
А потом спешит на берег -
Будет рыбу поедать.

Но сначала поорет
И подружек позовет:
Ай, крупна сегодня рыба,
Хватит всем,
Коль повезет...

А по берегу,
Густы,
Сплошь черемухи кусты.
Кружат головы весною
Их пахучие цветы.

Лепестки летят, как пух,
Аж захватывает дух.
Ту черемуху когда-то
Посадил мой школьный друг.

КАДРИЛЬ

За деревней на опушке
Нынче игрища идут.
И веселые частушки
На деревьях ветви гнут.

Среди бела среди дня
Лопин сватает меня.
Ой ты, мамочка моя,
Лопарихой буду я...

Лавешьк старая не может
Танцевать - на пне сидит.
Федор тоже не моложе,
Но топочет - семенит.

Не глядите никогда
На женитьбу и года.
Ну, и что ж, что не плясун,
Хоть портками потрясу...

Как резва молодка Вяццу.
Рядом шурин, словно лось.
Что-то шумно веселятся, -
Как бы плакать не пришлось.

Ой, конфетка ледениста.
Полюбила гармониста.
Голосисто он пост,
А на сердце только лед...

Звонче в говоре баяньем
Голоса девчат, парней.
Есть пока тропа к поляне,
Впредь -
дорога будет к ней!

* * *

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле -
Хочу
остаться
на земле!

Васткивас /Северное сияние/

Этот цикл стихов
публикуется в переводах
Т. Сухоруковой, И. Козлова и С. Дорохова

МАЗЭ

Наша Мазэ*
В садик ходит,
За собою
Куклу водит.
Для нее
Одежду шьет
И вопросы
Задаёт:
- Почему
Луна красна?
- Жарко ей,
Бедняжке.
- Почему
Луна бледна?
- Мерзнет
Без рубашки...

* - "почемучка" (саамс.)

СЛОВА НА БУКВУ "Ш"

Заливается звонок -
Начинается урок.

Вот учитель входит в класс,
Говорит он:
- В этот раз
Называйте не спеша
Мне слова на букву "Ш".

Малыши, конечно, рады:
- Шарф.
- Шары.
- Шаги.
- Шарады.
- Шило.
- Шуба.
- Шапка.
- Шум...

Сколько слов пришло на ум.
Словно лес,
Поднялись руки.
- Вася Зайкин!
- Эти...
Брюки,
Ну, такис, как у Мары.
Шары...
Шаро...
Шаровары!

УРОК РИСОВАНИЯ

Отчего сегодня в школе,
В нашей школе тишина?
Все рисуют.
А у Толи
На листе опять война.
По врагам стреляют пушки.
Воет сбитый самолет.
А за речкой
У опушки
Рукопашный бой идет.

- Толя,
Очень не хватает
Только солнца в вышине...

- Солнца?
Солнца не бывает,
Не бывает на войне!

ВОРОБЕЙ

Вот полярный воробей,
Очень шустрый воробей
И полезный очень.
Прилетел, на кочку сел,
Кочку тельцем отогрел
Серенький комочек.

Ты воробушка не тронь,
Не бери его в ладонь -
Он, как снег, растает.
Лишь в полете он красив -
Как пропеллер на оси,
Крылышки мелькают.

Говорю я вам опять:
В руки птиц не нужно брать,
Пусть летают

или -

Что останется от них,
Шустрых, пестрых, озорных?
Только:

жили-были...

Барабанит по куваксе
 дождь...
 Пробирает до косточек
 дрожь,
 Будто ножки двухсот
 оленят
 Дробью частой по тундре
 стучат.
 Плачет кувакса
 вместе со мной,
 Слезы - разом
 одна за одной...
 Видно, полог насквозь
 промок.
 Разве выйти теперь
 за порог?
 Ты молчишь, не решаясь
 сказать...
 Жаль, мои - не твои
 глаза,
 Грусть моя - не твоя
 тоска!
 Это сказка - лишь
 присказка!

* * *

"Как ты живешь,
Хозяюшка? -
Сердце
Стучит
В груди, -
Мне бы взглянуть
Хоть краешком:
Что
Нас ждет впереди...
Любишь кого,
Тревожишься,
Милый мой,
Нежный друг?!"
Сердце настороженно
Притаилось вдруг.
Я говорю:
"Ну верила...
Надеялась, ждала
И, отворяя двери,
В гости к себе звала.
Прошлое - в прорубь
Кануло...
Стоит ли
Продолжать?
Сердце,
Ведь я - не каменная:
Сколько еще мне
Ждать?!"

РОММАЛЬ*

Роммаль - березка
Чуть выше кочки,
Греет на солнце
Ладошки-листочки.
Верной и дружной
Семейке берез
Ветер не страшен
И лютый мороз.
В стужу друг к другу
Тесней прижимаются...
Но от земли они
Не отрываются.

* - карликовая березка

ВАСТКИВАС*

Ах, какое чудо
На глазах у нас!
Знаешь ты, откуда
В небе васткивас?
Это развлекается
Под луною панна.
Видишь - развевается
Подол сарафана.
Как она старается,
Как она кружит!
Все переливается,
Сарафан шуршит.
- Что, мальчишки, нравится?
Не свистите, хватит!
А не то красавица
Ненароком схватит.

* - северное сияние

АДДЭЛУДКА*

За окном темно и жутко,
Аддэлудда-аддэлудка!
Стонет вьюга третьи сутки,
Аддэлудда-аддэлудка!
Эй, утихни на минутку,
Аддэлудда-аддэлудка!
Нет просвета, промежутка,
Аддэлудда-аддэлудка!
Где конц холодным шуткам,
Аддэлудда-аддэлудка!
Но сквозь сон я слышу чутко,
Аддэлудда-аддэлудка!
Как заря трубит побудку,
Аддэлудда-аддэлудка!
Я иду по первопутку,
Аддэлудда-аддэлудка!

* - суровая женщина, повелительница ветров

КУКУШКА

Кукушка, кукушка,
Плохая ты мать.
Тебе ли по деткам
Своим куковать!
Ведь ты и не думала
Даже о них.
Птенцы твои выросли
В гнездах чужих.
Не зря говорят:
- От кукушкиных слез
Краснеет под осень
Листва у берез.

СОДЕРЖАНИЕ

"Снежница"

"Гундра моя - моя жизнь и любовь навсегда..."	27
"Так у нас повелось..."	29
"Все проходит..."	31
ПОДСНЕЖНИКИ	32
"На миг вернулась в юность..."	33
ПРИЗВАНИЕ	34
ГОРЫ	35
"Где же ты, Тарасик..."	36
ПРОРУБЬ	37
СНЕГОПАД	38
ЗВЕЗДА	39
ВЕЛЛЕС-КАРНОС	41
СНЕЖНИЦА	45
"Показаться может кому-то..."	46
ДЕД СЕМЕН	47
"Июльский полдень..."	49
"Как же разнятся слова..."	50
"Влажно утро..."	52
ОСИНА	53
"Который год..."	54
"Ты помнишь, у моря с тобою..."	55
"Как неожиданно ударил..."	56
"Чьи это смелые краски и кисти..."	57
ОСЕНЬ	58
"Что за ночь беспокойная выдалась..."	59
ЧАСЫ	60
"Я стою у крыльца..."	61

"Вольная птица"

ВСТРЕЧА	65
"Утром ясным, спокойным..."	66

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ	67
"Тундры белое полымя..."	68
"Как длинна эта ночь..."	70
ЮБИЛЕЙ	71
"Слежавшийся снег..."	73
"Не заметили, как..."	74
"Не буду я плакать..."	75
"Вновь в порту..."	77
ПРАСКОВЬЯ	78
"Куда же ты, обласканная птица..."	80
"Не ищу я заколдованной травы..."	81
"Истаяла любовь, как звездный след..."	82
"Камни, камни..."	83
"Уйдет пурга..."	84
"Вновь несчастье..."	85
"Огонь костра сродни..."	86
"Сегодня ты явился мне во сне..."	87
ТРАВЫ ДЕТСТВА	88
"Дровами в жарком камельке..."	89
"Тайны мира..."	90

"Чахкли"

ВИРМА	93
БЕЛКИ	94
ВОЛШЕБНОЕ КИНО	95
РОДНИК	96
"Зимним утром туман..."	98
ДОВЕРЧИВЫЙ ЛИС	99
НАГРАДА	101
"Зачем у березы..."	102
ГУСИ	103
СОСЕНКА	104
ЧАХКЛИ	105
ВЫЮГА	106
"Хорошо, придя из тундры..."	108

НОЧЛЕГ В ПУТИ	109
УТРО	114
"Взлетает солнце в голубень..."	115
"Только светом март наполнит..."	116
"Над туманной поволокою..."	117
"Весной, как бы зиме на страх..."	118
НА ЗОРЬКЕ	119
"Наряды мои и скромны и недороги..."	120
В ШКОЛУ	121
РУЧЕЕК	122
"Первый снег принесла непогода..."	123
"Мерзнет улица моя..."	124
ЛУНА	125
ЗЕМЛЯ	126
ОТЧИЙ КРАЙ	127

"Ялла"

"Ловозерские горы лишь с виду пологи..."	131
"Только к ночи сдержали упряжки мы бег..."	132
СОЛДАТКИ	133
"Все на свете имеет..."	134
ДОМ У РЕКИ	136
БОКОГРЕЙ	138
"Над весенней тундрой гуси кличут..."	139
ПОНОЙ	140
"Загостился сентябрь..."	142
ЭХО	144
"Пятьдесят..."	145
БЕРЕЗА	147
"Снег лежит сугробом пышным..."	148
ТЕТЯ НАСТЯ	149
РАЗЛУКА	150
СЫНУ	151
ТЫРГАН	152
НОВЫЙ ГОД	153

ВОЕННЫЙ ПОЧТАЛЬОН	154
"Осень поздняя..."	156
"Живешь - как будто бы чадишь..."	157
ОБЛАКА	158
ОДУВАНЧИК	159
"На все чудесные края..."	160
ДОРОГА	161
В КРЫМУ	162

"Тайна Бабьего озера"

Саамская легенда	165
------------------------	------------

"Поле жизни"

"Сорок лет, как минула война..."	177
"Не забыть поры военной..."	178
"Он очень не любил зеркал..."	179
КЛЮЧ	180
РИСУНКИ НА КАМНЕ	181
"Как закрою глаза - вся вселенная..."	183
"В края далекие уеду..."	184
В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ	185
"Как помню я себя..."	186
"Чем ты притягиваешь, родина..."	188
ЗАПАДНЯЯ ЛИЦА	189
"Как упрямо река..."	190
СЕЮКОС	191
ТРОПА	193
ЛЕСНИК	194
"Дятел елку долбил..."	195
ВРЕМЕНА ГОДА	196
ПОРА ДОЖДЯ	197
"Дни быстрее и быстрее летят..."	198
ПОЛЕ ЖИЗНИ	199
В ЛЕСУ	200
"Непогода злится..."	201

"Велика Поной-река..."	202
КАДРИЛЬ	204
"Хочу остаться на земле..."	205

"Васткивас" (стихи в переводах других авторов)

МАЗЭ	209
СЛОВА НА БУКВУ "ПІ"	210
УРОК РИСОВАНИЯ	211
ВОРОБЕЙ	212
"Барабанит по купаксе дождь..."	213
"Как ты живешь, хозяйюшка..."	214
РОММАЛЬ	215
ВАСТКИВАС	216
АДЦОЛУДКА	217
КУКУШКА	218

Октябрина ВОРОНОВА
ХОЧУ ОСТАТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ

Художник Т. Шорохова
Технический редактор Т. Анурова
Корректор Н. Узикова

Сдано в набор 29.09.95 г. Подписано в печать 31.01
Формат 70х90 1/32. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 1000.
Заказ 1209.

ГУПП "Русская Лапландия"

г. Кола Мурманской области, пр. Защитников Заполярья, 13

